

Виталий Свадьбин

Княжий род. Наследник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Свадьбин

Княжий род. Наследник

«Автор»

2022

Свадьбин В.

Княжий род. Наследник / В. Свадьбин — «Автор», 2022

Что бы вы сделали, если бы к вам в руки попал древний артефакт, позволяющий путешествовать в прошлом? А вот главный герой Роман Волжин, такую возможность не упустил. Получив наследство от своего деда, в виде древних фолиантов и перстня рода, он воспользовался инструкцией и отправился в далёкие века. Цель Романа - улучшить состояние своего рода. А почему бы и нет? Результат приключений главного героя можно узнать из произведения.

© Свадьбин В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1. Сын Боярина.	8
Глава 2. Военская слава боярского сына.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виталий Свадьбин

Княжий род. Наследник

Предисловие.

Весна 2022-ой год. Самарская область. Село Давыдовка.

Роман Волжин приехал в старый дедовский дом на берегу Волги в Самарской области. Здесь он часто проводил своё детство у деда и бабушки, родителей отца. Служба по контракту закончилась досрочно из-за ранения полученного на Донбассе. Сейчас отпуск по ранению, вот и решил проведать старый дом деда и бабушки. Ну и заодно следует подумать продавать недвижимость или нет. У самого есть квартира в Самаре, оставшаяся от родителей. Родители погибли в аварии, когда он учился в школе, тогда была ещё жива бабушка. Дед с бабкой посоветовались, как быть с единственным внуком и приняли решение. В учебный год бабушка жила с внуком в Самаре, чтобы школу не менять, а летом уезжали в Давыдовку, где зимой домовничал дед Егор. С раннего детства Рома научился не только плавать, но и управлять парусным шлюпом, который держал дед. Как и все пацаны его поколения увлекался боевыми искусствами. Ходил в секцию бокса, потом увлёкся айкидо, но серьёзных вершин не достиг, скорее для себя тренировался. Но было увлечение у Романа в средних классах школы, которое его увлекло по настоящему. Начитавшись книжек о мушкетёрах, пошёл в секцию фехтования, что позволило позже работать каскадёром на киностудии. В киноиндустрии подружился с профессиональными каскадёрами, которые научили владеть мечом и саблей. Отслужил в армии, в мотострелковых войсках. Вернулся домой пожил у деда с бабушкой в селе. Дед неплохо в кузнечном деле разбирался, даже свою кузницу держал. С детства и Романа к этому приучал.

– Ты, Ромка не кривись, понимаю, что по Волге под парусом приятней ходить. Только кузнечное мастерство – это хлеб в любое время. Ноне кузнецов добрых отыскать непросто, а потому вникай. Прижмёт судьба, а ты готов. Жизнь прожить не поле перейти, – говаривал дед Егор.

Кроме всего прочего дед собирал коллекцию древних книг. По ним Роман научился читать тексты на старославянском языке, дед не заставлял, просто любопытно стало пацану.

После армейской службы сдал квартиру в наём, в Самаре, оставшись жить в Давыдовке. Мастерили вместе в кузнице заказы от богатых бизнесменов. Таких много развелось на развалинах страны Советов. Дед Егор показывал секреты кузнечного мастерства. Научил булатные клинки ковать, на чём кстати Роман неплохо зарабатывал. Кроме всего прочего у деда имелось ещё одно увлечение, он изготавливал в кузнице древние экземпляры огнестрельного оружия. В доме на стене висели пищали, пистолы, мушкеты. Роман частенько помогал деду в этом деле, потому знал технологию изготовления. Чёрный, дымный порох сами изготовили, рецепт найти нетрудно, в интернете всё есть. А через два года Роман подписал контракт и пошёл служить в армию. Сначала умерла бабушка Надя, Роман на похороны приезжал. Дед заскучал и написал завещание, но текст завещания не показал.

– Придёт время, всё увидишь, внучек, а сейчас не думай езжай и служи, коли работу такую выбрал.

Тогда Роман видел деда последний раз. За год до командировки на Донбасс, пришло сообщение от соседей, что Дед Егор преставился. На похороны не попал, был в командировке в далёкой от России стране, а потом операция в Донбассе...

Роман открыл калитку, доски потемнели от дождя и ветра, но калитка не скрипела, и прошёл во двор, огляделся. Присматривают соседи за домом, забор не валится и то слава богу. Прошёл к кузнице, ключ спрятан над дверью, место парень знал с детства, открыл замок и

прошёл в святую святых деда. Здесь лежит многолетняя пыль, давно сюда никто не заходил. Во дворе затопали чьи-то шаги. Роман выглянул во двор. Соседка тётя Аня зашла.

– Ой, Ромочка, приехал! А я думаю кто такой во двор к Волжиным лезет. Решила проверить. На совсем приехал, али только в отпуск? – заговорила соседка, подавая ключи от дома.

– Контракт закончился, так что поживу пока, а там видно будет, – тихо проговорил Роман, не вдаваясь в подробности о ранении.

– Лодка ваша, те есть шлюп, в сарае на берегу закрыта. Брали пару раз мужики на рыбалку, но ничего не испортили. Всё в целости и сохранности, не переживай. Егора Романыча похоронили честь по чести, ты не сомневайся, он мне «гробовые» деньги оставлял, знал видно свой срок наверняка, – успокоила соседка.

Роман кивнул и направился к крыльцу дома. Соседка проводила его понимающим взглядом. Роман осмотрелся в доме и решил затеять приборку, протёр пыль, вымыл полы. Сходил в сельский магазин и купил продуктов на ужин, заодно и на завтрак с обедом. Вечером снова пришла тётя Аня и принесла пакет, запечатанный сургучной печатью.

– Егор Романыч велел тебе передать, как вернёшься, – соседка тяжело вздохнула и вышла из дома.

Роман осмотрел пакет, достаточно толстый в объёме, больше похож на бандероль. Молодой человек сломал печать и вскрыл пакет. Внутри лежало завещание от деда, письмо в отдельном конверте, маленький ключик и перстень с рубином. Роман прочитал завещание. Дед оставлял в наследство дом, шлюп, старенькую «ниву» и деньги в банковской ячейке, реквизиты банковской ячейки указаны, как и адрес банка.

– Не доверял старый банкам, а поди ж ты, ячейкой воспользовался. Ключик видимо от ячейки, не иначе, – хмыкнул Роман, не заметив, что говорит сам с собой вслух.

Взяв руки письмо и отложив всё остальное Роман принялся читать послание от деда:

«Коли читаешь мои писульки, знать меня уже нет в живых. Оставляю тебе, внук, всё то, что нажил сам и от рода нашего древнего осталось. Ключ от банковской ячейки, сам разберёшься, не дитя малое. Там деньги и золотые монеты разных времён, начиная с основания нашего рода. Береги это имущество, оно потомкам передаётся. Монеты ценность большую имеют. В моей коллекции старых книг найдёшь рецепты и заговоры, тех знаний, что волхвы древние знали. Читай и учи, пригодится в жизни. А чтобы лучше запоминалось, на палец левой руки одевай перстень с рубином. В нём закрыта сила рода нашего, здорово поможет в памяти новые знания положить. В ячейке банка монеты древние, там же книга, как использовать монеты и перстень. Береги наследство от рода, пуще собственного глаза. Сам не воспользуешься, даст бог сын у тебя будет или внук, ему и передашь. Передаётся такое наследство только по мужской линии, бабам оно не доступно. Живи достойно, честь береги. Ремеслу я тебя обучил, не пропадёшь. За деньгами не гоняйся, но и рожу от них не вороти. Что добыл без попрания чести, то всё твоё по заслугам. От меня тебе наказ – женись и род наш продолжай, не дай оборваться. Ты носишь имя Волжиных в тридцать втором поколении, от того и сила рода есть. Книга древа рода нашего в ячейке, сможешь посмотреть, хотя род наш древней чем указано в книге. Один из наших предков в книге древа рода начал указывать и помечать. Знать ты должен всех до самого первого Волжина, а коли узнаешь ещё в глубь веков о роде, то обязательно укажи в той книге. Таков тебе мой наказ. Помни, что весь род сверху видит тебя, не посрами имя родовое. На том прощаюсь, твой дед Егор.

P.S

Мысли путались и не написал о главном. Перстнем не каждый в нашем роду воспользоваться может. Что для этого надо – не знаю. Сам пробовал и не получилось. Как не получалось у моего отца и деда. Может революция тому виной. Отвернулись тогда от всех богов люди. Если у тебя ничего не сложится, сохрани наследство для сына и далее для внука, может им будет позволено заглянуть в прошлое».

Роман откинулся на спинку стула, посидел с минуту обдумывая прочитанное письмо. Взял перстень и померял на пальцы левой руки, подошло на безымянный палец. Роман встал и направился к книжному шкафу, где на полках стояли книги, нашёл упомянутые дедом фолианты и сложил на столе. Здесь же нашёл свидетельство о смерти деда. Книга о заговорах имела страницы из тонкой, выделанной кожи, а записи явно делали вручную. В это вечер он читал книги о заговорах, о лечении словами и молитвами к богам древних славян, просто пролистывал, не стараясь запоминать, до поздней ночи. Утром проснувшись, вдруг обнаружил, что прекрасно помнит всё, что прочитал и старался запомнить. Роман вновь недоверчиво хмыкнул. В это день он съездил к нотариусу и заявился о наследстве, предъявив завещание. На оформление наследства ушло две недели. Из ячейки банка, указанное дедом имущество и пять миллионов рублей забрал. По вечерам стал читать книгу знаний древних волхвов. На следующий день проверял себя, никаких ошибок, он прекрасно помнил всё, что прочитал накануне.

Роман распечатал кузницу и стал понемногу собирать заказы на ковку. Народ хоть не активно, но шёл. Незаметно пролетело лето, наступила зима. Роман съездил в военкомат, там ему объяснили, что пока он находится на учёте в нестроевых, нужна врачебная комиссия. Роман плюнул и вернулся в село. Деньги были не только от деда, вовремя службы ему хорошо платили «боевые», да и зарплата совсем не маленькая у контрактника, приличную сумму скопить получилось. Временами приходили клиенты по кузнечной ковке. Опять же пенсия положена, только комиссию у врачей пройти надо. Роман брал только художественные заказы, а что по хозяйству соседи приносили, делал бесплатно. Освежил рецепт булатных клинков, сделал десяток охотничьих ножей и увёз в Самару, сдал в охотничий магазин. Прав был дед Егор, с кузнечным ремеслом точно с голоду не помрёшь, так как за ножи заплатили сразу и очень неплохо.

Зимой времени свободного стало больше. Роман разобрал ценные книги деда, но пока продавать не стал. На глаза попала шкатулка с древними монетами, которые он не трогал с того времени, как забрал в банке, там же лежала странная книжка и медная плоская табличка, на которой по кругу стояли цифры, а в середине гнездо, под какую-то вещь. Книжка с кожаными страницами, скорее похожая на брошюру и текст написан вручную. Текст в ней начертан на старославянском языке, который Роман выучил ещё в детстве. Несколько дней Роман внимательно читал книгу, время от времени просматривая древо княжьего рода, чтобы понять смысл книги о перстне и старых монетах. Кстати, в гнездо медной таблички подходила любая из старинных монет. Не верилось в то, что можно попасть разумом во времена кого-то из предков. Но не просто так, а для исправления чего-либо. Чего именно, Роман не разобрался. Решил действовать наугад. Выбрал поколение при Иване Грозном. Перед ритуалом Роман посмотрел на сотовый телефон и карандашом записал время 16-05. Взяв одну из самых старых монет, имеющую отношение к тому времени, вложил монету в гнездо на медной пластине. Роман всё пристроил на столе, вокруг монеты расставил церковные свечи, которые нашёл у деда возле иконы, и прочитал в книге что и как делать. Требовалось подержать над монетой рубин и прочитать наговор, потом повернуть вокруг пальца определённое количество раз. Роман хмыкнул недоверчиво, но тем не менее сделал то, что требовалось, прочитал наговор и повернул кольцо девятнадцать раз. Голова закружилась, в глазах начало темнеть. Роман ухватился за край стола, пытаясь удержаться, чтобы не грохнуться на пол. Сознание померкло и провалилось в неизвестность.

Глава 1. Сын Боярина.

16-ый век. Коломенский уезд. Поместье Волжиных, Село Озерки.

Из окна пробивался солнечный свет, но не ярко, а как будто через фильтр. Тем не менее я, свет сквозь веки ощущал. Лениво открыл глаза, посмотрел по сторонам и наверх. Потолок обшит струганной доской, стены бревенчатые, но зачищены хорошо, окно метр на полметра, вот только не видно, что на улице. Что за стёкла такие мутные? Я лежу на деревянной кровати, пахнет деревом, сам провалился в пуховую перину. Мой мочевого пузырь напомнил о себе, я встал, чтобы справить нужду. Интересно, где здесь туалет? И что это за дом? У деревянной двери увидел ведро, даже скорее ушат из дерева. Подошёл ближе. Ага, как раз то место куда можно оправиться, ибо запах без сомнений указывает назначение ведра. Комната небольшая, у окна стол, на нём книги и крынка, что-то вроде кувшина с широким горлом. Я подошёл к столу, в крынке оказался квас.

– Ого, какой ядрёный, – восхитился я, отхлебнув не меньше стакана жадными глотками.

Открыл книгу, какое-то житие святых, причём на старославянском языке. Я хмыкнул и вновь огляделся. Возле кровати стоял сундук, обитый железными полосами, на котором лежала одежда, рядом стояли валенки и сапоги. Выше сундука, на деревянных колышках, висел пояс, шириной в ладонь с медными бляшками. К поясу закреплены два ножа, один большой, скорее на тесак походит, второй чуть меньше. Кроме ножей сабля в ножнах. Сабля?

– Не понял, что за хреновина? – громко вырвалось у меня, и я приблизился к поясу с клинками.

Достал саблю из ножен и рассмотрел клинок, который скорее походил на татарскую саблю средних веков, осторожно попробовал подушечкой большого пальца и чуть не порезался.

– Мать твою, острая, однако, – восхитился я клинком и сунул обратно в ножны.

Присел на кровать. На мне одета длинная рубаха, ниже колен. Как у девчонок. Посмотрел на левую руку, перстня на указательном пальце нет. Итак, что мы имеем? Попасть в глубину веков получилось. Я явно в теле своего предка. Что дальше?

– Зашибись! Где мне искать это колечко? Похоже я попал, чёрт, – расстроено произнёс вслух.

В ногах кровати печь, вот только топки не видно. Может снизу топят? Значит здесь второй этаж, не меньше. Подошёл к окну вместо стёкол в раму вставлена слюда, свет пропускает, а рассмотреть, что за окном невозможно. Прилип ближе к окну, задев лбом холодную слюду. Вроде зима на улице, только солнце ярко светит. За дверью послышался крик.

– Ромка! Ромка, суслик ленивый, ты чего, всё ещё дрыхнешь? Вставай немедленно.

Дверь открылась и в комнату вошёл юноша, а может молодой парень. Темноволос, глаза голубые, нос прямой, на лице появляется юношеский пушок, который данный юноша не торопится сбривать. А статью парень широк в плечах и высок ростом. Когда входил в комнату чуть пригнулся. На нем одет какой-то стёганный халат, с железными бляшками, полы опускаются ниже колена. На ногах сапоги, чёрного цвета, широкие шаровары заправлены в голенища сапог. Я стоял у окна, раскрыв рот от удивления, смотрел на этого парня.

– Ты чего рот раззявил, не проснулся? Одевайся быстро, дядька на улице ждёт. Не забудь одеть поддоспешник и тегилай, они в кладовке, – юноша явно сердился.

Отдав распоряжение, юноша видимо решил, что всё сказал, потому ещё раз глянул на меня, махнул рукой и вышел.

– Э-э... – запоздало промычал я.

«И что здесь происходит? Я, мать твою, где? Что за хрен с горы тут мной командует?» пронеслось вихрем в голове. Потрогал подбородок и обнаружил, что небритости и щетины нет и в помине. Огляделся, зеркала в комнате нет. «И что мне делать?» мелькнула следующая

мысль. Пока раздумывал, в комнату вошла девушка, в длинном сарафане, коса заплетена до пояса, на голове повязана широкая лента, завязана под косой, а ещё она в каких-то непонятных кожаных ботиках, а может тапках.

– Роман Евстафьевич, я вам водицы принесла, умойтесь со сна. Снимайте рубаху, чаво стесняться? Чай не впервой, – приятным голосом прошептала девица, поставила деревянный таз, при этом держа кувшин в руках.

Я сел на кровать, раздумывая заголяться мне или нет. Что за баба? И что значит не впервой? Всё же решил снял рубаху, которую скорее платьем назвать можно. На сундуке лежали подштанники и нательная рубаха. С такой одеждой я знаком, когда служил срочную, довелось носить, особенно в учебке. Но подштанники натянул. Не будем болтать «ерундой» перед девицей.

– Ты кто такая? – спросил я девушку.

Девушка удивлённо уставилась на меня, хлопая ресницами, глаза её стали чуть больше, что не портило девицу. Курносый носик с веснушками, русые волосы, слегка припухлые губы, лицо овальное, румянец на щеках, брови ровными дугами над глазами. В общем симпотяга.

– Не заболел ли ты, Роман Евстафьевич, часом? Ульяна я, спальница в доме вашего батюшки, боярина Евстафия Борисовича. Служу под рукой вашей матушки Ольги Дмитриевны, – глаза Ульяны выражали беспокойство.

– Ты видела кто выходил из моей светёлки, вот только что? – задал новый вопрос, отвлекая её внимание.

– Бог с тобой, боярич. Так, то брат твой старший, Богдан, – лицо Ульяны стало испуганным.

Чтобы больше не пугать девушку, я, натянув чёрные штаны, встал возле ушата и подставил руки.

– Поливая что ли, – поторопил я холопку, или кто она там.

Умывшись, я поправил на себе тёмные шаровары, одел нательную рубаху, а за ней натянул длинную рубаху с вышивкой по вороту и подолу. Рубаха доставала подолом до середины бедра. Карманов у штанов не обнаружилось, завязал штаны верёвочкой на поясе. Замотал портянки, такому в армии тоже учили и одел чёрные сапоги. Повесил пояс на себя с оружием, ножами и саблей. Попросил Ульяну проводить меня в кладовку, та ничего не сказала, но проводила. Минут пять вдумчиво решал в кладовке, что здесь поддоспешник и что тегиляй. Потом решил, что поддоспешник войлочная куртка, а тегиляй на брате был, так что взял такой же. Натянул странную шапку, тоже из войлока, но с вышивкой и верх покрыт железными полосами. Голова сразу почувствовала тяжесть шапки, да и одежда весила неслабо. Подхватив рукавицы с сундука, вышел во двор.

Во дворе Богдан и несколько парней его возраста, а некоторые постарше старательно махали саблями, отрабатывая различные комбинации. Некоторые стояли в парах и мутузили друг друга саблями, как потом выяснилось, были сабли учебные без заточки. Я спустился с крыльца и остановился, не зная, что делать. Тренировал молодых парней мужчина с бородой и усами, в кафтане и овчинном тулупчике, раздавая команды.

– Ну что встал, тетеря? Забыл зачем пришёл сюда? Дядька Потап, заставь его берёзовый болван таскать вокруг имения, – засмеялся Богдан, перестав махать саблей.

Потап кашлянул в кулак, посмотрел на меня и на Богдана, хмыкнул и отёр усы от инея. Не сказать, что на улице было холодно, солнце пригревало хорошо, но зимний минус холода чувствовался. «Градусов пятнадцать наверное» подумалось мне.

– Болваны на плечах таскать полезно. Так, отставить всем работать саблями, складывайте на телегу и подходите ко мне. Будете тягловой силой работать, – улыбаясь заявил Потап.

Этот, возможно инструктор, подошёл к берёзовым брёвнышкам, что лежали у стены. Длина болванов метровая, может чуть больше, а вот толщина не меньше двадцати-тридцати

сантиметров. Как здесь выражаются две пяди. Потап поманил Богдана и указал ему какой чурбан брат. Мне же достался чурбачок чуть тоньше, чем у Богдана. Заставив всю ватагу присесть с чурками на плечах, Потап сходил в конюшню и привёл себе осёдланного коня. Сел в седло и скомандовал бежать. Но не погнал вокруг полей, а только вдоль забора, которым огорожен двор с домом. Я сразу увидел натоптанную дорожку, понятно, в армии и не такое насмотрелся. Видимо часто рекрутов заставляют бегать с брёвнышками на плечах. Как ни странно, но я не чувствовал особой усталости. Тело, которое сейчас принадлежит мне, вполне натренировано. Я стал отчётливо понимать, что перстень забросил меня в тело предка, с именем Роман, что уже неплохо. Упражнения тасканием болванов не закончились, после я, с любовью к искусству, махал саблей, но видимо что-то делал неправильно, так как Потап сердился. И это ещё учесть, что я в 21-ом веке посещал секцию фехтования. Закончив упражнения, по приказу Потапа, все рекруты разделались и растирались снегом, а после сразу баня, сполоснуть пот. После бани пошли переодеться и на завтрак в общую трапезную. Я поднялся в свою светёлку, здесь уже приготовлена чистая рубаха и синие штаны. Одевшись, я спустился в трапезную. Место принятия пищи в семье поражало своими размерами. «Пожалуй больше, чем моя квартира в Самаре» пролетела завистливая мысль. Отец, боярин Евстафий Борисович сидел за столом, с торца, на стуле с большой спинкой. Стул походил на трон. По правую руку место братухи Богдана, вслед за ним сел и я. По левую руку сидели, как позже узнал, дядьки старших сыновей Илья и Потап, а ещё незнакомый мужик. Илья был старше Потапа и явно боярин относился к нему очень хорошо. Мать, её я угадал сразу, сидела напротив отца на другом конце стола, рядом с ней сидели дочери и младший сын. Были ещё какие-то слуги или холопы, но я пока их не различал. Возможно сидящие за столом с хозяевами холопы играли важную роль в ведении хозяйства. Много взрослых мужчин и женщин. Хватало и молодых. На столе стояла копчёная рыба разных сортов. Как жителю на реке Волге, мне сразу показались знакомыми тушки осетров, белорыбица, стерлядь, судак, налим, голавль и чёрная икра, в глубоких чашках. А ничего так живут, не бедствуют. В крынках стоял квас, сыто и хмельной мёд. В чашки кухарки подавали пшённую кашу на конопляном масле. Мясных блюд на столе не было. Все сложили руки и стали читать молитву «Отче наш». Я много раз слышал такую молитву от бабушки, потому знал наизусть.

– Попостимся чем бог послал, – высказался отец и отрезал кусок осетра.

После его команды все остальные приступили к завтраку. Взрослые мужики пили хмельной мёд и пиво. Мне ни пива, ни мёда не предложили, но я не расстроился, с утра хмельное моветон. Квас на вкус был просто сказочный. Между делом я внимательно рассматривал кто и как одет. Брат Богдан в шароварах и сапогах, рубаха белая вышивка по вороту, рукавам и подолу. Пояс одет, но без сабли, только ножи, маленьким ножом режет рыбные куски. На голове вышитая шапочка, что-то вроде тубетейки, такие ещё евреи носят. Я порылся в памяти и вспомнил, такую шапочку называют «тофья». Отец одет примерно так же, только рубаха красная, а сверху ещё одет зипун. В этот момент я увидел перстень на безымянном пальце у отца. Вот и пропажа нашлась. «Значит колечко не потерялось – это уже хорошо», я сразу почувствовал, как поднялось настроение. Холопы одеты как Богдан, только вещи попроще. У взрослых мужчин головы бритые, как и у Богдана. Посмотрел в сторону женщин. На матери расшитый кафтан с широкими рукавами, из-под него торчат рукава и подол нижней рубахи. Манжеты нижней рубахи и подол расшиты серебряной и золотой нитью. Сам кафтан тоже расшит жемчугами и золотыми нитями, на ногах сафьяновые сапожки. На голове венец с рясами и поднизью из жемчуга. Названия я узнал чуть позже, используя как источник информации Ульяну. Кстати, лента на голове Ульяны тоже считалась венцом. И в дальнейшем я спокойно выпрашивал спальницу обо всём, девочке похоже льстит, что сын боярина с ней по-доброму. После того как все насытились женщины вышли из-за стола, часть холопов тоже ушли. Оста-

лись отец, Потап, Илья, Богдан и я. Отец посмотрел на меня, взял кувшин и налил в его кубок хмельного мёда. Негоже мужчинам вести беседы без питья.

– После пасхи поедем на смотр в Москву, Роман нонче с нами едет. Пятнадцать Ромке, пора в поместное войско. Броню ему присмотреть надо. Потап, посмотрите из кольчуг что-то, если не подойдёт, срочно заказывайте у Томилы. Хорош кузнец, правильно я сделал, что выкупил его в закупы. Ещё надо куюк Роману по размеру, чтобы не отличался от остальных. Что ещё? А, для Георгия присматривайте доброго воина, на будущий год ему дядькой кого-то ставить надо, – размеренно говорил отец.

Я сообразил, что дядька, учитель и инструктор, назначается с пяти лет бояричу. Получалось, что Потап с ним именно с этого возраста.

– Вадим, ты выезжай в Рыльское имение сразу после пасхи, посмотришь, как к севу готовятся, проверь приказчика, он любит жаловаться. До пасхи съезди в Городец, да Богдана возьми, пусть привыкает. Жениться, имение ему отойдёт. В Дарищи я сам съезжу до пасхи, – продолжал давать распоряжение отец.

Как я понял, Вадим ключник отца, ведает всеми хозяйствами и доходами. А раз сидит по правую руку от отца, значит отец доверяет ему, и ключник пользуется авторитетом.

После завтрака вышел во двор с Потапом, мы остановились у крыльца. Потап дал команду конюшему холопу седлать лошадей, а сам вернулся в дом. Через пару минут вышел вновь с двумя луками и колчанами.

– Боярич, ты кольцо захватил? – спросил Потап у меня.

– Какое кольцо? – не понял я.

Потап достал кольцо для стрельбы из лука и показал. Кажется, я видел такое кольцо у себя в светёлке. Пришлось вернуться. Конюх вывел двух жеребцов под сёдлами, один пегий, второй вороной. Потап вскочил в седло на пегого. Мне ничего не оставалось как сесть на вороного.

– Евстафий Борисович велел закрепить за тобой вороного, теперь это твой боевой конь. Он обучен, да ты уже ездил на нём не раз. Поедем постреляем из лука.

Выехали за ворота. К моему удивлению, ехать верхом вполне получалось, видимо тело, привыкшее к такому передвижению. Если головой не думать, то тело само действует. Стрельба из лука показала недовольство Потапа, он показывал, как надо и вскоре у меня выстрелы стали попадать в цель.

– Ты, Роман Евстафьевич, рассеянный что-то. Будем чаще тебя занимать с луком и сабелькой, посмотрю ещё как ты с пикой обращаешься, а то поди тоже подзабыл.

До праздника Пасхи, меня гоняли в хвост и в гриву, как солдата первогодка. Стало получаться стрелять из лука и орудовать пикой. А вот на тренировках с саблей Потап даже похвалил, заметив новые движение, которых сам не знал. Зато я их знал хорошо ещё в 21-ом веке. Не остались в стороне тренировки с щитом. Кроме этого, в арсенале были фитильные пищали, Потап учил и ими пользоваться.

– Такие только у московских стрельцов есть. Но многие князья и бояре уже пользуют огнебой. Вот и у нас есть. Мало ли что может пригодиться на поле боя, позже поучу тебя как с бердышом работать, хоть конному оно и не надо, но может пригодиться, – поучал своего подопечного Потап.

16-ый век. Москва. Смотр поместного войска.

Прошло полтора месяца, как меня занесло на пять веков назад из 21-го века в тело своего предка, среднего сына боярина Евстафия Волжина, которого тоже звали Роман. На дворе 1555-ый год, середина 16-го века. На Руси правит царь Иван Грозный. Дом, в котором жили Волжины скорее можно назвать теремом. Есть мужская и женская половина дома. В женскую может заходить только отец и сыновья, другим мужчинам сюда вход закрыт. За это время я в теле Романа стал показывать хорошие результаты в умении обращаться с оружием этого времени. Особенно прилично получалось орудовать саблей, не зря несколько лет посещал секцию

фехтования и подрабатывал на киностудии. Очень неплохо получалось стрелять из фитильной пищали. Поначалу я никак не мог приноровиться к этому древнему карамультуку, на стволе оружия не было мушки и целика, к которым я привык. Я попросил кузнеца напаять целик, в виде планки, и мушку, стрельба сразу наладилась, хотя приходилось при выстреле отворачивать лицо, чтобы вспыхнувший порох на полке запала не попал крупинками в глаза. Я умудрялся попадать со ста шагов в щит, размером в три пяди.

– Хорошо замыслил, Роман Евстафьевич, надо будет на всех пищалах такое напаять, да холопов погонять, – похвалил Потап своего подопечного, то есть меня.

При стрельбе из пищали засыпалась мера пороха, вставлялся пыж, потом вставлялась пуля калибром пятнадцать миллиметров. Приклад зажимался под мышкой, что было очень неудобно, для точной стрельбы. Я вместе с кузнецом Томилой переделал приклады так, чтобы была возможность упираться в плечо, от чего меткость стрельбы повысилась даже у холопов. Боярин Волжин возил пищали в обозе, на поле боя многое может понадобиться. Ввёл ещё одно новшество в заряды пищалей. Я велел девушкам холопкам нашить гильзы из тонкого сукна, дополнительно из бумаги склеить, куда сразу засыпалась нужная мера пороха. А пулю для пищали заменил картечью. Из пули получалось десять штук десятимиллиметровых шариков. В результате при выстреле картечь летела, захватывая хороший диаметр поражения, правда уменьшилась дальность. Пулей можно на сто пятьдесят шагов попасть, вот только попадаешь редко. Со ста шагов такой заряд картечи разрывал деревянный щит в щепки, что тоже понравилось боярину и дядькам бояричей. Отец из-за расхода бумаги не одобрял расточительство, дорогая бумага в этом времени, но всё же похвалил меня. Думаю, его радовало само то, что сын делает успехи в воинском деле. Теперь было возможно заряжать пищаль даже сидя на коне, если был запален фитиль. Правда стрелять сложно, пищаль весила чуть меньше двадцати килограмм, хоть переделка приклада уменьшила вес оружия. Я даже придумал седельный чехол для пищали, по примеру фильмов об американских ковбоях. Старший брат Богдан подшучивал над мной, но я молча делал своё дело. А вот Потап серьёзно относился к придумкам своего подопечного, он был воин опытный и знал, что в бою любая мелочь может склонить чашу весов на твою сторону. Я долго думал над тем, что делать с фитилём. Чтобы приготовить фитиль к стрельбе, нужно разжечь огонь кресалом. Занятие не быстрое, а в сырую погоду почти невозможное. Пришла мысль сделать запальный шнур, по примеру бикфордова шнура, который будет вспыхивать от кресала и кремня. Пропитав смолой нитки и вываляв их в порохе, сплёл в одну верёвочку. Такой шнур зажигался достаточно быстро от кресала, а от него можно запалить фитиль пищали. Время экономилось в разы. Для себя я уже решил, что обязательно придумаю пистолы с кремневым замком в ближайшем будущем. К тому же кузнец Томила Железняк оказался очень талантливым мастером, сходу понял мою затею и обещал подумать пока боярин Волжин вывозит всех на поместный смотр. Не зря его отец выкупил в Москве в закупы. Через неделю после пасхи выехали в Москву. Из Рыльского поместья приехал боярский сын Руслан Щепков, привел с собой пятнадцать боевых холопов. Щепков в боярских сынах числился у Волжина уже пять лет. Евстафий Волжин в этом году выставлял сто двадцать воинов, с учётом сыновей и себя.

До Москвы добирались две недели из-за обоза, в котором везли палатки и шатры, корм для лошадей, вместе с заводными лошадьми всадников и обозных лошадей получалось две с половиной сотни четвероногих передвижных средств. Запас еды для себя, пищали, запас стрел, сменную одежду и прочее, что могло пригодиться в походе. Вроде на смотр едут, а может получится, что исполчат их и направят сразу на несение службы. По дороге я внимательно слушал разговоры, пополняя знания о местном времени. Выяснилось, что кроме детей, что уже видел, у боярина Волжина были ещё малютки, но умерли в младенчестве. Узнал и о размерах имений своего отца, количестве деревень и домов в этих деревнях. Смотр поместного ополчения проходил в двух верстах от самой Москвы. На поле расположились шатры и палатки приехавших,

а кто-то поставил татарские юрты. Народу собиралось много. Я почему-то испытывал волнение, хоть и немного. Однако смотр прошёл без замечаний к боярину Волжину. Меня внесли в реестр ополчения, теперь я стал новиком, таких ещё называли «детскими».

Расскажу немного о проведении смотра, эта процедура небыстрая, проводят смотр дьяки из Разрядного приказа. Боярину Волжину принадлежала боевая единица, которую по-старому называли «списса» или «копьё», по-новому называли проще «сотня». Сам боярин считался «сотенным головой». Такая сотня в поместном войске была наименьшей тактической единицей. Когда настала очередь поставить в ряд свою сотню Евстафию Волжину. Получилось так, что проверять подошёл дьяк Разрядного приказа Василий Иванович Карасев. Карасев и Волжин знакомы много лет и даже дружат, когда-то начинали в поместном войске ратниками, не одну сечу прошли вместе. Пять лет назад царь формировал «Избранную тысячу» и отличившихся детей боярских. Карасев также попал в число избранных, а потом его Иван Грозный поставил служить в Разрядный приказ.

– Здравия тебе, Евстафий Борисович, смотрю ноне второго сына привёл, – заулыбался Карасев.

– Рад тебя видеть, Василий Иванович. Время летит быстро, вот и Ромка подрос, – Волжин обрадовался своему давнему товарищу.

Дьяк оценивающе посмотрел на Богдана, потом на меня.

– Растут это точно. Помню два года назад Богдан на голову ниже был. Не заметил, как твой младшой так быстро вырос? Когда старшого женишь не забудь на свадьбу позвать, друже, – улыбнулся Карасев.

Подьячий приказа осмотрел моё оружие, попросил обнажить саблю и остался доволен. Потом осмотрел моего вороного коня, что-то записал на бумаге гусиным пером и перешёл к боярским холопам. Карасев и Волжин отошли в сторону и говорили о чём-то своём, приглушив голоса, чтобы их не слышали. Смотри сотни закончился до обеда и Волжин вернул своих людей в лагерь. Обедали в шатре. Сразу после обеда боярин собрал своих детей боярских, сыновей и десятников. Насытившись, разлили пиво, после первой кружки, боярин негромко заговорил.

– По окончании смотра государь приедет. Будет большой совет воевод. Похоже что-то случилось, так что домой попадём нескоро. Карасев по секрету сказал, что на южные рубежи пойдём.

– Может крымчаки опять поднялись в набег? – спросил Илья.

– Может быть и крымчаки. Видно будет, но чует моё сердце, что ратиться будем, – задумчиво проговорил боярин Волжин.

В ожидании царя появилось много свободного времени, Потап каждый день занимался тренировками с мной. Для стрельбы из лука выезжали к ближайшему лесу. Я заметил, что с каждым днём навыки восстанавливаются, точнее я вливаюсь в навыки этого тела, без сомнения предок был хорошо обучен. Если учесть, что начали учить с пяти лет, то до пятнадцати прошло десять. А за десяток лет можно хорошо выучить будущего воина. Кроме тренировок с оружием, дядька учил меня захватам, ударам кулаками и ногами, что называется русскому бою. Этот стиль совсем не походил на восточные единоборства, возможно примитивный, но эффективный. Всё сводилось к тому, чтобы максимально быстро уничтожить противника, а всякие стойки и позы – баловство. Я пока не демонстрировал свои познания в боксе и айкидо. Наоборот, охотно запоминал то, чему учит наставник Потап. По вечерам я постоянно думал о том, зачем меня сюда перебросило. В книге было написано, что перенос происходит в случае, когда возможно что-то исправить для рода. Исправить что? Что должен сделать я в теле Романа, чтобы вернуться назад? И как взять перстень у отца? Ответов у меня пока не было, но и времени прошло мало. И ещё один вопрос всплывал. Что с моим телом в 21-ом веке?

Царь приехал через пять дней. Мне очень хотелось глянуть на живого Ивана Грозного. Шутка ли, потому что из будущего лицезреть человека, о котором сложены легенды. «Сейчас ему двадцать пять лет» пришла мысль о возрасте царя.

– Потап, а правду говорят о жестокости царя? – спросил тихонько у наставника.

– Говорят детство у него было непростое. Бояре ему жизни не давали, но кровожадным его никто не назовёт, кто так или иначе рядом службу несёт. Как-то Карасев приезжал к твоему батюшке, пили они много и долго. Спьяну дьяк говорил, что справедливый он, прощает многих. Даже тех, кто ему смерти желал. Если гневаться начнёт, то берегись, либо на кол посадит, либо голову долой.

– Эх, посмотреть бы на царя.

– Да что ты, боярич? Кто же тебя допустит к царю? Ты сын сотника. Вот дослужиться Евстафий Борисович до воеводы, начнёт полки водить, дай бог и сбудется твоё желание. Али проявим себя в чём-то на поле брани, геройство какое выкажем, – предположил Потап.

Иван Грозный собрал воевод на военный совет. Волжина туда не приглашали, но к вечеру боярина Волжина позвал к себе царский окольный Иван Васильевич Большой Шереметьев. Боярин Волошин вернулся от Шереметьева в сумерках, собрал своих приближённых с сыновьями.

– Князя Шереметьева государь назначил воеводой войска для похода на южные рубежи. В набег идет крымский хан Давлет Гирей и ведёт татарские тумыны. Наша сотня входит в отряд воеводы Шереметьева, кроме того, государь даёт полк московских стрельцов. Снабжение будет оплачиваться казной. Пойдём в сторону Тульских земель, потом от Белёва Муравской дорогой к крепости Перекоп, в Мамаевы луга, должно нам завернуть Девлет Гирея обратно в Крым. Будет три отряда. Большим отрядом командовать поставлен старший воевода Иван Васильевич Шереметьев, вместе с ним окольный Лев Андреевич Салтыков. Передовым отрядом будут командовать воевода Алексей Данилович Басманов и воевода Бахтеяр Зюзин. Сторожевой отряд поведут Дмитрий Михайлович Плещеев и Стефан Сидоров. У нас сотня конная, так что будем нести дозор у головного отряда. Всего войско набирается в тридцать тысяч ратников. Большую часть соберут в Белёве. Шереметьев ведёт конницу и стрельцов. Так что завтра собираемся и выходим. Наши возы в обоз ставим.

Встав до рассвета, свернули шатры и палатки. Боярин Волжин сходил к князю Шереметьеву, о чём-то там говорил. Вернулся довольный. Богдан и Роман вопросительно уставились на отца.

– Дозор будем нести у войска князя. Не придётся под рукой худородного боярина быть. А то дело такое, один раз попадёшь, потом всю жизнь попрекать будут и меня и потомков моих. А Ивана Васильевича я давно знаю, ляхов вместе воевали, у государя он в чести, – объяснил своё настроение старший Волжин сыновьям.

Позавтракали определили свои возы в общий обоз. Волжин оставил десять холопов в охрану обоза, с остальными, забрав заводных, тронулись в сторону Тулы.

16-ый век. Поход к южным рубежам. Белёв, Тульская земля.

Задача дозорных идти впереди войска на расстоянии от пяти до десяти вёрст, чтобы в случае обнаружения противника, можно было предупредить основные силы, а те приготовятся к бою. Боярин Волжин не раз воевал татар и знал их поведение при движении в набег. Татарское войско высылает вперёд свои передовые отряды, которые расходятся в стороны в поисках селений для грабежа и разбоя. Таким образом они по пути умудряются собрать трофейный обоз с добром и полоняниками, из ограбленных сёл и деревень. Евстафий Волжин разделил свою сотню на два отряда, одним поставил командовать Богдана, у того был двухлетний опыт службы с отцом. К тому же рядом опытный наставник Илья, который вовремя подскажет что делать. Боярский сын из Рыльского, Иван Щепкин тоже в отряде Богдана. А как иначе? Сыновей учить надо, хорошо учатся в настоящем деле. А вот меня же оставил возле себя. Я в своей

жизни прошёл хорошую школу, но то в 21-ом веке и война там совсем другая. Здесь я старался вникать в мелочи, не стеснясь спрашивать отца или Потапа. Чтобы продвижения войска проходило быстрее, стрельцов отправили конными. Вовремя движения я пристроился к стрельцам, мне не терпелось поделиться своими новшествами с пищальями. Я разговорился с одним из стрелецких сотников Еремеем Олеговичем Житиным.

– Получается, ты сын Евстафия Волжина? Знаю его по походу на ляхов. И что такое ты, боярич измыслил?

Не скрывая, я не только рассказал, но и показал свою пищаль, которую держал в чехле у седла.

– Встанем на привал, ты подойди ко мне, хочу подробней посмотреть, как и что, – предложил Ерёма.

Однако первый привал сделали ближе к вечеру. Пока холопы устраивали место для ночлега, я отправился к стрелецкому сотнику.

– Давай посмотрим, что ты за чудо придумал, – Еремей взял мою пищаль, рассматривая крутил оружие.

Рядом с сотником собрались десятники из стрельцов, а также подошли четверо других сотников. Я попутно давал пояснения.

– Приклад, чтобы упор в плечо надёжней получался. Правда при выстреле приходится лицо отворачивать. А это мушка на конце ствола, целик в виде планки. Смотришь и совмещаешь целик с мушкой. Получается более точный выстрел.

– Сейчас попробуем, – Ерёма послал одного из стрельцов поставить сосновый чурбан, что приготовили для костров.

Сотник отсыпал мерку пороха, вставил пыж, загнал в ствол пулю и снова пыж. Взяв бердыш воткнул его в землю. Приладился прикладом в плечо, фитиль запалён. Прицелился как учил боярич и выстрелил, не забыв отвернуть лицо. Пуля с глухим шлепком врезалась в чурбан.

– На какое расстояние поставили чурбан? – спросил сотник у стрельца.

– Сто пятьдесят шагов, сотник, – ответил стрелец, который уносил полено для выстрела. Сотник хмыкнул, повертел пищаль в руках.

– Изрядно. Точность хорошая. Надо будет дьяку доложить, когда вернёмся. Ну, а что там про заряды говорил, боярич?

– Я подумал, что много времени уходит на перезарядку пищали. Сделал из бумаги патрон. Пулю расплавил и накатал шарики, картечью называются, десять штук получилось. Заряжать быстрее можно. А ещё, при первом выстреле надо огонь разжечь, тоже возни много. Я придумал запальный шнур, – объяснил я своё новшество.

Показал, как заряжается патрон, как от кресала быстро затлел и зашипел запал, я приложил его к фитилю. Тем временем стрелец утащил три полена, поставив их в одну линию в шаге друг от друга, только на сто шагов, по моей просьбе. Я приладился к пищали, пришлось опереть на бердыш, прицелился и выстрелил. Все три полена упали. Стрелец сбежал и принёс полешки. Все присутствующие сотники и десятники рассматривали поленья, разбитые в щепки, и цокали языками.

– А почему на сто шагов, надо сто пятьдесят? – спросил Еремей.

– Убойная сила теряется. Картечь легче пули. Хотя на сто пятьдесят шагов если попадут в коня, то точно поранят. Я всяко пробовал дома в имении.

– От выстрела можно сразу нескольких противников ранить или убить. Молодец, боярич. Вот только с патронами беда, никто не даст нам тратить бумагу на это дело, – восхитился сотник, имени которого я не знал.

– Наше дело телячье, доложим, а там посмотрим. А вот с запалом хороша придумка, быстрее нежели костерок разводить, – одобрил Еремей.

Житин подробно расспросил меня, как делается запал. Неожиданно для себя я получил новых знакомцев из стрельцов, что возможно пригодится в будущем. Отряд воеводы Шереметьева находился в пути месяц. За это время я вновь и вновь возвращался к вопросу о том, что я должен исправить в этом времени. Очень постарался вспомнить тесты из книжки о перстне и монетах, потом стал вспоминать книгу, где делались записи о древе рода Волжиных. И тут у меня как бы щёлкнуло в голове. Ну точно! На родовом древе ветвь Богдана не продолжается. Тогда я не придавал значение этому, а сейчас понятно, что это старший брат. Какой же там был год? Кажется с 1537-го по 1555-ый. Точно, так и есть, срок жизни Богдана Волжина. Богдан должен умереть или погибнуть. Не исключено, что именно здесь. Требовалось что-то придумать.

Муравский шлях – это тракт, по которому ходили крымские татары в набег муравой, что означало травой, избегая переправ крупных рек. Он тянулся от Тулы на Ливны, мимо Белгорода и на Перекоп. Шереметьев не стал останавливаться в Белёве, сразу взял направление на Ливны, оставив в Белёве бояр, чтобы собирали оставшееся поместное войско для отряда. Шли достаточно хорошим маршем, но при этом не загоняя коней. В этом отряде у Шереметьева насчитывалось семь тысяч ратников, он планировал поставить хороший заслон, чтобы придержать татар. К тому же воевода не знал точное количество крымчан. Сведения пришли, что хан Девлет Гирей пошёл в набег, а это значило – крымчаки идут грабить. Не мог знать воевода Шереметьев, что хан пошёл на хитрость, взяв направление на земли пятигорских черкесов. Однако Девлет Гирей резко изменил направление переправившись через реку Северный Донец. К воеводе прискакали гонцы с южного рубежа, почти до смерти загнав коней. Воевода Иван Васильевич остановил свой отряд и собрал бояр на совет. Волжин был на совете у Шереметьева, вернулся мрачнее тучи.

– Девлет Гирей ведёт шестьдесят тысяч, в том числе турецкие янычары и султанские пушки. Он рвётся к Рязани и Туле. Воевода уже послал гонцов к государю Ивану Васильевичу. Слава богу, в Коломне стоит воеводой князь Иван Фёдорович Милославский, хоть за своих будем спокойны.

– А нам что делать, тятя, – спросил Богдан.

– Воевода Иван Васильевич решил идти навстречу Девлет Гирею, будем отвлекать его и задерживать. Отряду из Белёва тоже гонца отправили, дай бог догонят, а то сейчас нас всего семь тысяч, растопчут нас крымчаки. Нам приказано выдвигаться в дозор, как обнаружим татар, сразу сообщить воеводе. Ну а если крымчаки будут малым числом, будем уничтожать. Берём заводных коней, на них грузите запас стрел, палатки и прочее не нужны, идём налегке.

Но не успели выехать в дозор, как прискакал гонец от царя. Иван Грозный двинулся с войском к Туле. Боярин Волжин получил приказ и его следовало выполнять. Воевода со своим отрядом не дошёл до городка Новосиль тридцать вёрст, по сути, это дневной переход. Отец вновь разделил сотню на две половинки, чтобы охватить большую площадь. Кроме отряда Волжина были направлены и другие сотни в поиске татар.

С собой взяли вяленое мясо, сухари и копчёную рыбу. Время перевалило за полдень, но отец велел нам собираться. На заводных лошадях погрузили запас стрел, пищали и огневой запас к ним. Через час выдвинулись на юго-восток к реке Зуша. Не доезжая до реки вёрст пять, увидели накатанную телегами дорогу.

– Надо проверить это место, здесь должна быть деревенька. Богдан, бери полусотню, Руслав с тобой, а я к реке. Гирей может пройти восточней, передовые отряды мы засечём обязательно. Эти шакалы всегда попадают на грабежах, распорядился отец.

– Тятя, разреши мне с Богданом, мы вас быстро догоним, – стал просить я.

Отец с минуту смотрел на меня, перевёл взгляд на Потапа.

– Помни, ты за него крест целовал, – эти слова явно обращены к моему наставнику.

Потап только кивнул, а отец пустил коня рысью к реке, боевые холопы и Василий Оладин кинулись вслед за ним. Богдан ничего мне не сказал, дёрнул повод и свернул влево по лесной дороге. Я с опозданием в несколько секунд направил вороного в ту же сторону. Потап ехал правее и чуть позади меня. Я задумался о своём наставнике. Он отличный рубака и виртуозный лучник. На одном из привалов, два дня назад, о нём говорили холопы, а я случайно услышал. Оказывается, отец взял его совсем мальчишкой, воспитывал как младшего брата. Из лука Потап стреляет так, что любой кочевник сдохнет от зависти. У него даже лук особенный, называли его хазарским. Когда-то, будучи молодым сыном боярским, Евстафий Воложин отбил пленника у татар. Парень был значительно моложе Евстафия и попросился в боевые холопы. Звали парня Потап и он уже в то время владел луком очень хорошо. Родных убили татары. Евстафий согласился взять его к себе. Потап снял хазарский лук с убитого хана в одной из стычек на южных границах пять лет назад. Как отличный лучник он и учил качественно. Скорей всего Роман умел стрелять и неплохо, я видел, как прогрессирует моя способность в этом. Богдан остановил полусотню в лесу за полверсты до деревни и послал разведать обстановку в деревне двух опытных холопов, они были профессиональными охотниками до того, как попали в боевые холопы. Через четверть часа разведка вернулась. Я стоял рядом с Богданом.

– Говори, Идан, что там? – спросил Богдан.

– Богдан Евстфьевич, там татары деревню грабят, – ответил Идан.

– Много татар, сколько домов в деревне? – влез я со своим вопросом, Богдан недовольно посмотрел на меня.

– Трудно сказать сколько татар, не успели посчитать. В деревне шесть домов, а ещё ближе к лесу огороженное частоколом хозяйство. Дом и сараи, – ответил Идан.

– Будем атаковать с ходу, – решительно произнёс Богдан.

– Подожди, надо толком выяснить чего и как, а то с дуру холопов погубим и татар как следует не побьём, – придержал я брата.

Богдан фыркнул сначала, но Илья положил ему руку на плечо. Видимо отец что-то велел Богдану насчёт Ильи.

– Говори, как мыслишь? – недовольным тоном спросил брат.

Я понимал брата, отец поставил командовать полусотней, вот и рвётся в бой. По годам брат старше на два года, осенью ему восемнадцать стукнет, потому отец и хочет его женить.

– Разведаем получше, а потом ударим неожиданно. Отец говорил, что холопов погубить много ума не надо, спешка нужна для ловли блох, – про отца я добавил, чтобы придать солидности своим словам.

– Добро боярич предлагает, – глухо произнёс Илья.

– Я с Потапом и холопами схожу посмотрю, – решительно заявил я.

– Почему ты? – хотел возмутиться Богдан.

– Тебе за всех ответ перед отцом держать, а значит и командовать атакой, – ответил я.

Богдан согласился, но с недовольным выражением лица. Мы с Потапом взяли луки, щиты повесили за спину и в сопровождении Идана и Яромила, вновь углубились в лес, в сторону деревни.

Лето 1555-ый год. Дозор и первые крымские татары.

Мы подкрались к крайним деревьям и затаились за стволами сосен. Я стал всматриваться в сторону домов. С приятным удивлением отметил, что в этом времени у Романа очень зоркое зрение. Оно бы, конечно, бинокль не помешает, да только где его взять? Интересно, а подзорные трубы существуют в этом времени? Отогнав лишние мысли, стал осматривать поселение. Действительно шесть крестьянских изб, в стороне стоит хозяйство, огороженное частоколом. Для имения маловато по размерам, да и частокол небольшой. От леса до частокола метров сто пятьдесят. От частокола до ближних домов деревни триста метров, может чуть больше. Возле частокола стоят кони три десятка, их охраняют два татарина. Одеты в халаты с пластинами,

что-то вроде тегиляя, только поплоче, из бедняков татары. Остальные наверняка в имении грабят. На краю деревни стоят ещё два десятка коней, причём без охраны, татары бегают среди крестьянских домов. Я махнул Потапу, чтобы он приблизился ко мне.

– Сможешь снять тех татар, что караулят лошадей возле частокола?

– Стрелой метнуть не сложно, – коротко ответил Потап.

Я подозвал холопов к себе и не повышая голоса отдал команду.

– Идан, возвращайся к брату. Незаметно сюда подойдут, чтобы сразу шум не поднимать, а потом ударят по татарам, что в деревне.

Идан скрылся среди деревьев. А мы втроём по краю леса приблизились к дому, огороженному частоколом. Выяснилось, что Яромил неплохо владеет луком и не забыл прихватить его с собой. Я ещё не уверен в своей стрельбе, потому стреляли Потап и Яромил. Стрелы с шипением ушли в татар, охраняющих коней. Потап попал в ухо кочевнику, стрела пробила голову насквозь. Яромил попал в шею. Оба татарина свалились с коней. Махнув рукой, чтобы следовали за мной, я бросился бежать к частоколу, за минуту добежали до забора и прижались к брёвнам. Осторожно подошли к воротам, распахнутыми настежь. Я осторожно заглянул во двор. У сараев копошились трое крымчан. В дальнем углу двое насиловали девку, привалив её на телегу, девчонка негромко стонала. Всего телег три, причём лошади запряжены. Рядом с второй телегой сидят связанные пленники, пять мужиков, четверо баб и шесть подростков. Я на пальцах показал двое и трое, не забыв указать направление.

– Бьём стрелами тех, что во дворе, – я распределил цели.

Мы вышли в створ ворот и быстро прицеливаясь стали метать стрелы. Потап убил двоих возле сарая, Яромил попал в третьего. Я стрелял в насильников, сначала попал в того, что держал девчонку, а потом во второго, пока он путался в спущенных штанах. Мы побежали к дому с Потапом, Яромиле я велел проверить двор, вдруг кто-то есть в сараях. Яромил наложил стрелу на тетиву и осторожно двинулся к сараям. Я прикинул обстановку у крыльца дома. Три десятка коней под сёдлами, убили семерых. Значит остальные в доме. Во дворе три телеги с запряжёнными лошадьми, только на одной свалено какое-то добро, получается из дома пока не выносили хабар. Я привалил свой лук к крыльцу, в доме он навряд ли пригодится. Потап свой лук положил на завалинку дома. С тихим шелестом я обнажил саблю, в левую руку взял тесак. По-другому этот нож назвать не могу, лезвие сантиметров тридцать. В 21-ом веке, на контракте я служил замкомандира взвода, мой взводный мастер ножевого боя, учил иногда пользоваться коротким клинком. А здесь со мной занимался Потап, думаю, что своего подопечного учил не один год. Я дёрнулся ко входу, но Потап положил руку на моё плечо, придерживая и рассчитывая пойти первым. Я его понимаю, он в ответе за меня перед отцом. Но командовать должен один и всякие поползновения нужно пресекать на корню.

– Не забыл кто здесь боярич? – резко спросил я, но желая смягчить тон, добавил, – Если ты меня учил хорошо, то и бояться не стоит. А если плохо, то пусть бог решает, как получится.

После моих слов Потап размашисто перекрестился, а я рванул в дверной проём. В этом времени дома строят так, чтобы коридоры всё время поворачивали, так удобней защищать свой дом. У каждой двери я сначала быстро заглядывал в помещение, чтобы определить расположение грабителей. Слева коридор ведёт к лестнице и дальше в трапезную, вправо ход на кухню, там кто-то брякает. Я показал направление в сторону кухни Потапу, он кивнул. На всякий случай я перекрестился и двинулся по коридору. Потап рванул на кухню. В трапезной трое крымчаков осматривали комоды и шкаф. Дальше была комната и там глухо стонала женщина. В два прыжка я оказался воле крымчака и ударил в шею тесаком, второго ткнул в бок саблей. Третий успел выхватить свой клинок и попытался уколоть прямым ударом, я развернулся кругом, парируя саблей удар и приближаясь к врагу, нанёс удар тесаком в ключичную ямочку. В дверях комнатки на миг притормозил, буром не стоит переть. В комнате три безусых крымчака насиловали бабу, точнее двое держали, а третий старательно совершал действия насилия над

несчастной женщиной, платье у неё разорвано, белеет оголённое тело. Понятно, что молодые и торопятся насиловать. Один взмах и тот, что держал слева валится с разрубленным горлом, обратным махом ударил трудягу, который старался на женщине, он навалился на пострадавшую, заливая её кровью из раны на затылке. Я прыгнул к третьему, но запнулся за ноги женщины. Татарчонок испуганно пытался отползти, мой удар тесаком пришёлся ему в пах, провернув клинок выдернул, из-под полы халата обильно потекла кровь. Не отвлекаясь, я выскочил в трапезную и побежал к кухне. Там Потап рубился с двумя крымчаками, я хотел помочь, но мой дядька зарубил одного и стал прижимать второго. Махнув рукой, я направился к лестнице на второй этаж. Оттуда слышался шум погрома, крымчаки обыскивали дом. Слышался женский плач. Стараясь ступать тихо, я направился туда. В большой комнате с кроватью сидели на полу двое подростков, руки связаны. На полу с разбитой головой лежал бородатый мужик, рядом рыдала женщина, к ней прижавшись сидела девочка лет десяти. На кровати крымчак насилует девочку лет двенадцати, та даже не сопротивлялась и не стонала. Насильник отличался от остальных татар богатой одеждой, одет он совсем не в нищий халат, кажется шёлковый, рядом с кроватью лежит качественный куяк и пояс с оружием. Сразу видно не учат татар уставам караульной службы, а это чревато для здоровья. Один крымчак стоит спиной ко мне и смотрит на насильника. Ещё трое роются в сундуках, складывая понравившиеся вещи на середину комнаты. У дальней стены ещё комната, там тоже кто-то копошится. Итак, здесь пятеро. А сколько в комнате?

– Спокойно, Рома. Придержи очко, чтобы не сжималось. Взятся делать, доводи до конца, – прошептал я сам себе, успокаиваясь.

Страшно ли мне? Думаю, что страшно. Вспотел как загнанная лошадь. Отёр пот со лба. Вдохнул, выдохнул и шагнул в комнату. До стоящего крымчака два шага, взмах сабелькой, клинок разрубает шею на затылке вместе с бармицей. Прыжок к кровати, насильник получает удар в печень тесаком. Прыжок к ближнему у сундука, он только разворачивается в мою сторону с удивлённым лицом, взмах саблей и глаза разрублены вместе с переносицей. Второй искатель добра в сундуках успел выхватить саблю, отбиваю его клинок и бью тесаком в шею, успел приблизиться ближе. А ножичек хорош, пробил бармицу. Третий успеваешь взять щит из-за спины и обнажить саблю, кидается ко мне. Мой взгляд фиксирует маленькую скамейку, толкаю ногой под ноги крымчаку. Закрывшись щитом, он не увидел моего манёвра, запинаясь и валится вперёд. Взмах саблей и рука крымчака становится короче по локоть, сабля валится на пол, обрубок продолжает сжимать рукоять. Из комнаты выскакивают двое вполне готовы к драке, щиты и сабли в руках. Я не баран пробивать ворота лбом, разворачиваюсь и бегу к выходу, крымчаки с визгом за мной. Сразу за проёмом двери встаю в сторону и приседаю, моего движения не увидели, через пару секунд вылетает первый, тыкаю тесаком ему в пах, он сгибается. Толкаю раненого крымчака обратно, навстречу его товарищу. От неожиданности он теряет равновесие и отводит щит. Я наношу прямой укол саблей его в грудь, он парирует своим клинком. Сабли, соединившись скользят клинками о клинок, затевая «песнь смерти», но я прыгаю вперёд так близко, что он не может ударить меня щитом. Мой тесак входит ему под подбородок, толкаю его в грудь, крымчак падает, умирая в падении. Бегу к тому, что с обрубленной рукой, добиваю. Потом добиваю того, которому разрубил лицо. Вроде всё. Но увы. От лестницы были ещё комнаты, я их почему-то не заметил. Не смотрел в ту сторону? Косяк за мной. А ну бы в спину мне ударили. Выбегают трое. Им неуютно, в коридорчике тесно, прыгаю влево к лестнице и скатываюсь как по горке, слегка отбив себе задницу. У стены сундук совсем пустой, двигаю ногой под ноги торопыгам, что несутся по лестнице. Главное такую подлянку вовремя сделать, чтобы не увидели сундук под ногами. Первый запинаясь и падает с грохотом, второй запинаясь за него. Из-за угла наношу удар второму, потом первому. Третий умнее, остановился, прикрывшись щитом. Я спрятался за угол, крымчак подумал, что я убегаю и прыгнул через трупы товарищей и сундук. Со всей дури рублю по ногам, одна ступня

у него отлетает с глухим стуком. Крымчак орёт, добиваю его тесаком. Мля, а как устал я, даже ноги в коленках дрожат. Слышу шум во дворе и ржание коней. Выглянул в окно, наши ратные холопы спрыгивают с лошадей. Шум на лестнице, вбегает Потап, я без сил сажусь на пол. Потап сразу ко мне, присел рядом, ощупывает меня.

– Боярич, родной, ты не ранен? – в глазах его плещется беспокойство.

– Жив я, жив. Только устал, – отвожу его руку и добавляю, – Принеси попить.

Через пару минут Потап подаёт мне кринку с квасом, пью, обливаясь прохладным напитком.

Как выяснилось позже, Потап зарубил двоих, но на него напали ещё двое из кладовой. Вот и провозился он с ними. А ещё двоих он закрыл в подполе, они наводили инвентаризацию в погребу, а Потап просто пнул крышку, которая захлопнулась, ну и бочки толкнул полупустые на крышку погреба. Яромил из лука убил четверых, от пятого закрывался луком, лук испорчен, но Яромил успел ткнуть его тесаком. Сейчас переживает парень. Я посоветовал ему выбрать любой из татарских. Лихо прискакавший десяток боевых холопов, послал Богдан, а сам рванул к деревне. И тут я вспомнил, что должен следить за Богданом. Кинулся к чьей-то лошади холопов, заскочил в седло и погнал к деревне. Потап видимо за мной, я не обратил внимание. Чёрт! Лук свой у крыльца забыл. Я оглянулся на круп лошади. Ура, есть лук холопа и два колчана. Подскакав к деревне, пытаюсь рассмотреть Богдана. Ага, есть. У одной избы рубится с тремя татарами. Приближаюсь ближе, на ходу доставая лук и стрелу. Первая стрела попадает между лопаток тому, что ко мне спиной, вторая в бок ещё одному, третьего Богдан зарубил сам. И вдруг Богдан валится на землю, получив стрелу в бок. Твою мать. Кто стрелял? Ага, вижу, на соседнем доме на крыше пуляет стрелы в наших. Попал в него с первого выстрела? Оказалось, что Потап рядом, он и сбил татарина с крыши. Скачу к Богдану, осматриваю рану. Стрела пробила бок в районе печени и вышла наконечником с другой стороны. Если печень серьёзно повреждена, то такие раны в этом времени не лечат. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Я запаниковал. Если будет внутреннее кровотечение, Богдан может умереть. Подошёл Потап.

– Роман Евстафьевич, Илья ранен, тяжёлый.

– Потап, нужна солёная вода, срочно, – рявкнул я и Потап бросился в дом.

Я постарался успокоиться и осмотрел Богдана внимательней. Он ранен, разрезано бедро и плечевая мышца. Молодец братишка, держался будучи раненым. Я срезал наконечник и вытащил древко стрелы. Кровь пошла обильней. Быстро начал сдёргивать куяк Богдана, задрал кольчугу и рубаху, войлочный поддоспешник пришлось разрезать. Стоп! Я же читал заговоры, ещё там, дома в 21-ом веке. Там был заговор останавливать кровь. Я наложил ладони на рану и начал шептать заговор, повторил ещё раз. Кровь перестала течь обильно. Пришёл Потап и принёс воды с солью, он размешивал деревянной ложкой жидкость в большом блюде. Я промыл раны брату, наложил сухой мох и перевязал. Перевязку подал Потап. Драка с крымчаками закончилась. Я прошёл к Илье, осмотрел его раны. Повторил заговоры на его повреждения, перевязал.

– Потап, пошли гонца к отцу. И прикажи пусть собирают барахло с татар и коней татарских приберут.

Мне пришлось обойти всех раненых. Десять холопов убиты, шестеро с серьёзными ранами, пятеро ранены легко. Минус двадцать три воина, печально. Трофеями нам достались полсотни лошадей и конь молодого хана, аргомак серой масти в яблоках, возможно полукровка. Через два часа вернулся холоп, которого посылали к отцу.

– Роман Евстафьевич, батюшка боярин велел нам выдвигаться к обозу Шереметьева. Сам он обнаружил татарский большой обоз, – доложил гонец.

Подошёл Потап и отозвал меня в сторону.

– Роман Евстафьевич, там в доме ты зарубил внучатого племянника Девлет Гирея, молодой хан Сахиб Гирей. Мы допросили татар, что в погребу попались. Я лук хана тебе принёс,

хороший лук и сабля булатная, украшена камнями рукоять и ножны. Пайцзу золотую забрал с шеи молодого хана. Добро собрали только с татар. Крестьянское трогать не стали. В доме раненый приказчик тульского боярина, перевязали его. Сильничали его старшую дочь и жену. Из челяди баб помяли, кого-то убили. Полоняников мы освободили. Пленные нам помеха, так что я не больно зарезал тех двоих, – мой дядька подал мне лук и саблю молодого хана.

Поражаюсь нравам людей этого времени. Для них нет понятия «цивилизованное общество» или «демократия». Всё просто. Злой татарин, грабил, насильничал? Нож ему в бок и в «дамки». При этом здесь точно также относятся к татям из местных. Украл, выпил, в тюрьму, такое только у нас в 21-ом веке. А здесь петлю на шею и на ближайшее дерево вешают. Например, ходить без оружия мужчине – урон чести. Всё просто и понятно. А слова Плтппа, что царь не кровожадный получили другой смысл для меня. Как только я поговорил с Потапом, тут же ко мне подошёл Руслан Щепков, у него перевязана рука. Ему попали две стрелы в одну и ту же руку. Но я повернулся к гонцу.

– Где отец? – резко спросил я у гонца.

– Мы сейчас на Шуйском хуторе, через реку Зуша брод есть, там батюшка боярин оставил двух холопов, чтобы нас известить и князю Шереметьеву дорогу показать. Сам он поскакал на восток к Малиновке. К воеводе гонцов отправил, обнаружили большой обоз крымчаков. Евстафий Борисович следит за обозом, – доложил мне гонец.

– Руслан, грузи раненых и убитых, поведёшь возы к обозу князя-воеводы. Я возьму десяток и поскачу к отцу. Остальные с тобой. Ваша задача уберечь Богдана. Всё, выполняй. Потап, подбери добрых воев, пусть возьмут запас стрел. Кто умеет обращаться с пищалями лучше других, пусть возьмут запас огнебоя, забирайте весь. Берём боевых коней и заводных. Больше не медлим.

Я ещё раз обошёл всех раненых, бормоча заговор на добавление силы и здоровья больным. Такой тоже запомнил. Боярский сын Щепков спорить не стал, а пошёл выполнять моё распоряжение. Потап отобрал самых опытных воинов, в том числе поехали с нами Идан и Яро-мил. Через полчаса мы уже скакали к реке.

Брод нашли достаточно быстро, благо гонец подробно объяснил дорогу. Я торопился, хотелось догнать отца. Хотя по древу рода, отец проживёт до глубокой старости. Но мало ли что. Да и откровенно не хотелось торчать в обозе. К Малиновке вела сельская дорога. Я считал, что отец будет осторожно следить за татарским обозом, так что мы должны его обнаружить, со мной два хороших охотника-следопыта, так что разберёмся.

Лето 1555-ый год. Охота за крымским обозом.

В этом времени достаточно часто бывает так, что русские и татарские воины одеты одинаково. Чтобы как-то различать своих, русичи носят стяги, местные называют хоругвь. На стягах изображают лики святых, бывает, что герб боярина или князя. У нас тоже был флажок с ликом святого Георгия Победоносца, который я забрал с собой. В малиновке мы встретили двух дозорных холопов из нашей сотни. Они мне показали направление куда двинулся мой отец, боярин Волжин. Рассказали холопы, что их полусотня взяла в плен крымчаков, коих допросили. Выяснилось, что Девлет Гирей знает о том, что Иван Грозный ведёт рать, а потому крымчаки повернули назад. Рассказали пленники и о большом обозе крымчан. Направление в сторону городка Елец, что стоит недалеко от Липецка. Пока было светло мы скакали по следам моего отца. Наступил вечер, стали сгущаться сумерки. Переехав небольшую речушку, добрались до Потаповки. Домов десять в этой деревне, жители успели попрятаться от татарского разгрома в лесу. Но нам встретился очень старый дед, немного глухой, приходилось кричать, чтобы он услышал. Он и сказал название деревни. Сообщил, что видел отряд русичей. Ехать в темноте не было смысла, да и лошадям роздых нужен. Решили заночевать в одной избе, сена взяли у крестьян, овёс был с собой. Холопы быстро сварили кашу с вяленным мясом и салом. На питьё заварили травяной взвар. В общем неплохо повечеряли. Я устал, как раб на гале-

рах, потому уснул сразу, как только принял горизонтальное положение. Потап забрал у меня нательную рубаху и подштанники. Разбудили меня до рассвета, я умылся колодезной водой, которую приготовил Потап с вечера. Нательного бельё за ночь подсохло, вода хорошо взбодрила меня. Холопы сварили взвар из сушёных ягод, зверобоя и мяты. Поели копчёной рыбы и сухари. Как только начало светать тронулись в путь. Использовали под седлом заводных коней, чтобы в случае стычки пересесть на боевого. По пути я раздумывал над тем, почему обоз хана идёт отдельно от войска. Уже известно, что у Девлет Гирея шестьдесят тысяч воинов, вместе с османскими янычарами. Не понимал я почему так поступает хан. Объяснил мне Потап.

– Кочевник не любит воевать в лоб. У них натура такая, ударить и отскочить. Напасть может если количество его орды будет превышать в несколько раз. Каждый наш опытный воин стоит двух, а то и трёх татар. Привыкли они грабить и убивать крестьян.

Проскакав пять вёрст, обнаружили, что след боярской сотни резко пошёл на северо-восток. Меня заинтересовало, как наши следопыты различают отпечатки нашей конницы.

– Роман Евстафьевич, наши то кони подкованы особой подковой. Томила Железняк клеймо ставит, по указанию батюшки боярина, – объяснил Яромил.

Мы догнали отца к концу второго дня возле устья рек Галичка и Сухая Галичка, сливаясь речушки образуют реку Галица, недалеко деревня в десять домов Каменское. Отец поначалу нахмурился, я не выполнил его указ, но смягчился, когда поговорил с Потапом. Я не слышал их разговора, так как отошёл расстроенный руганью отца.

– Говори, – властно велел отец Потапу.

– Стычка произошла у Шуйского хутора, Богдан хотел сходу атаковать, но Роман воспротивился. Хороший воин растёт, всё рассудил правильно. Вышли разведать выяснили силы татар. Там кроме хутора, дом приказчика тульского боярина. Внучатый племянник Девлет Гирая, хан Сахиб Гирей со своими нукерами был. Хорошо, что их всего полусотня была. Остальные разбежались грабить по деревням. В общем повезло. Роман в доме приказчика один зарубил хана Сахиб Гирея и его нукеров, я посчитал тела, десять крепких воинов. До этого во дворе двоих из лука уложил. Быстро стреляет, лет через пять меня обскачет. Сам придумывает сабельные ухватки. Как Богдана ранило, командовал хорошо, ну чисто как ты, батюшка Евстафий Борисович. Такой же взгляд суровый, отдаёт указы будто сотник. Рану солью промывал, наверно кто-то научил. Полусотню коней татарских взяли, аргомаки хорошие десяток среди них. Шестеро тяжело ранены, могут и не доехать до дому, у Богдана и Ильи раны тяжёлые, но Роман Евстафьевич говорит выживут. Десять хлопцев побиили татары. Я велел тела сеном обложить, чтобы не затухли. Лук с хана подняли и саблю булатную, но боярич не торопиться менять на свою, в седельных сумках держит.

– Думаешь будет толк из сына?

– Не сомневайся, батюшка. Обязательно будет.

Позже отец подошёл ко мне, я сидел на берегу, опустив разутые ноги в воду речушки, отмывая пот с ног, заодно и портянки помыл немного. Отец сел рядом, разувшись, как и я сунул ноги в воду.

– Хвалю, сына. Похващаешь трофеем, что у хана отнял?

Позже я показал саблю отцу, он очень внимательно рассмотрел и саблю, и лук.

– Доброе оружие, такое не у каждого князя есть. Прятать не нужно, носи на поясе. Что с боя взято, то свято, – отец прижал мою голову к плечу и взъерошил волосы, – Вернёмся с похода, будем брить тебя, хоть ты и новик, но воин добрый. Клинок твой надо на удачу заговорить, чтобы служил только тебе. Ритуал древний от волхвов идёт, но воинам знать надобно. Потом помолиться не забудь, да не болтай об этом, – отец прочитал заговор на удачу, я тут же вспомнил, что такой уже читал.

Обряд на оружие я совершил, демонстративно прочитал молитву, чтобы отец видел. Отец подробно рассказал об обозе хана.

– Я бы и сам атаковал, только народу у меня мало. Там янычары и пушки султанские, табуны лошадей. В общем без Шереметьева не обойтись. Гирей, собака степная, испугался, что государь войско ведёт, побоялся меж молота и наковальни оказаться. На юг рванул. Янычары не уходят не хотят пушки султана бросать. Ничего, утро вечера мудренее.

Спал я хорошо, проснулся сам на рассвете. Отец не торопился, кто-то у него в дозоре следил за обозом хана. Спокойно умылись в реке. Я заметил, что в этом времени люди не торопятся лезть в реку, верят в русалок и водяных. Мне об этом сказали, когда я искупался. Позавтракали кашей и запечённой рыбой. Холопы наловили, обмазали глиной и сунули под угли. Вкуснятина в общем. Оседлали коней и двинулись не торопясь восточней.

Через четыре дня нас догнал отряд старшего воеводы Шереметьева с ним был царский окольный Салтыков. Отца вызвали к Шереметьеву, два часа он спрашивал отца. Потом пришёл ратник за мной, сообщил, что воевода желает видеть меня и велели взять лук и саблю хана. Войдя в шатёр воеводы, я поклонился низким поклоном. Саблю я уже прицепил на пояс, а лук просто захватил с собой. В шатре сидели незнакомые мне бояре и князья. Рядом с воеводой стоял отец.

– Ну проходи не трясись, воин Роман, сын боярина Евстафия Борисовича. Похвались и расскажи, как удалось хана взять. Твой отец говорит, что ты в одиночку зарубил хана и его нукеров, – Иван Васильевич был в хорошем настроении.

Я подал ему саблю вместе с ножнами, отстегнув её от пояса. Воевода долго и внимательно осматривал оружие, поцокал языком. Потом он также долго осматривал лук, пробовал натяжение тетивы, вышел из шатра и сделал три выстрела. Вернулся сел в своё кресло и глотнул из бокала вина.

– Скажи мне, Роман, сын боярина. Не хочешь продать саблю или лук, а можно и то и другое? Много денег выручишь, сможешь несколько деревень купить со смердами, улыбаясь спросил воевода.

– Нет, Иван Васильевич, не хочу, – ответил я.

– А что так, неужто золото не нужно? – спросил боярин Салтыков.

Бояре и князья стали переглядываться с усмешками, все ждали моего ответа.

– Я так думаю, что в бою взято – то свято. Негоже воину саблю на смердов менять. Будет сабля, будет честь и слава. А смердов я и за серебро куплю, что у татар отобрал, – немного пафосно ответил я.

В палатке воеводы раздался дружный смех, а вот отец не смеялся, он улыбался, а глаза его светились гордостью.

– Добрый ответ, достойный воина русского. Осадил новик тебя, Лев Андреевич, – воевода посмотрел со смехом на Салтыкова.

– А я другого и не ждал. Не может у боярина Волжина родиться сын недостойный отца, – высказал Салтыков.

– Готов, Роман Евстафьевич, служить нашему государю Ивану Васильевичу?

– Я и так служу. Несколько дней татарам пинки под зад раздаю, – ответил я, чем вызвал новый взрыв смеха.

– Сказывай как хана рубил, – напомнил Шереметьев.

– Кони хана и сабля мне понравились, вот я и уговорил их. Быстро уговорил, только померли они, наверно от печали и расстройств, – скаламбурил я.

На этот раз смех продолжался дольше. Отсмеявшись, воевода вытер усы и глаза, на которых от смеха выступили слёзы.

– Повеселил. Обязательно отмечу у государя твоего батюшку и тебя, воин Роман. А теперь ступай.

Воевода отпустил меня, а отец ещё остался в шатре Шереметьева. Я направился к нашему костру, где наверняка готовят рыбку и, возможно, уху, день пролетел незаметно и мой желудок настойчиво требовал обеда.

В это время старший воевода распустил гостей из своего шатра, но по своим умозаклучениям оставил сотника боярина Волжина. На столе разложили карты. Воевода предложил высказываться. Многие из бояр и князей желают отличиться, вот и стали высказывать мысли. Князь Шереметьев внимательно слушал, а когда фантазии бояр иссякли, спросил молчавшего Волжина.

– А ты, Евстафий Борисович, что думаешь?

– Девлет Гирей умный хан. Вовремя узнал, что государь на Тулу идёт, чтобы свою орду вывести из клещей бросил обоз. Я думаю, не просто так. Если государь двинется от Тулы, крымчаки просто уйдут южнее, пограбят сёла на окраинах и всё. А если узнает, что обоз только мы сопровождаем, то обязательно вернётся, – высказал свои мысли Волжин.

– Вполне возможно и такое. Обоз будем брать окружив его. Чтобы крымский хан не вернулся отбивать обоз, мы его отправим в разные места и по тем дорогам, по которым хан не ожидает.

Через два дня обоз действительно окружили. Сотня отца насчитывала девяносто ратников. Сопровождать убитых и раненых, в том числе Богдана, поехали всего семь боевых холопов. У нашей сотни опыт розыска отдельных отрядов крымчаков, чем мы и занялись. На нас выскочили два десятка крымчаков, отец приказал преследовать. Выскочили к речушке Турдей, южнее деревни Кручь. И нарвались на конных янычар, не меньше трёх сотен. Отец приказал отступить. Но разве можем уйти от лёгкой конницы. Тогда я предложил занять оборону у берега реки. Связать рогатки из брёвен и сделать что-то вроде засеки. У нас имелись пищали, все холопы без исключения умеют стрелять. В своё время отец настоял на этом, когда приобрели пищали. Янычары и татары напали не сразу. Чего они выжидали непонятно. Может надеялись на то, что мы будем атаковать. Но не случилось, наши разведчики вовремя увидели, что нас заманивают в ловушку. Как ни странно, но отец выслушал моё мнение.

– Говори, сын, что предлагаешь.

– Рассадим часть холопов, тех, кто лучше ведёт стрельбу из пищалей. Таких у нас три десятка наберётся, посадим их в засеку. На каждого стрелка будет по три пищали, все заряжены и готовы к бою. Конных лучников ведём на янычар и татар, метаем стрелы и отходим, когда они на нас нажмут. В засеке оставим два или три прохода, чтобы конь мог перепрыгнуть. Заманиваем в ловушку. Как только крымчаки приблизятся даём залп, а лучше два. Картечь двоих троих свалит, а то и больше. Так и отобьёмся.

– Ты измыслил, вот и сядешь с холопами в засеку. А я буду с остальными заманивать поганых.

Я сразу подумал, что отец меня в более безопасное место ставит, увидев серьёзный предлог. Ну что тут поделать? Будем воевать. Первым делом я расставил вешки на сто шагов, срубил тонкие деревца и воткнул в землю. Каждому холопу прошёл и по три раза объяснил, что делать. Янычары скорей всего шли передовым отрядом впереди обоза, вот мы и напоролись на них. Я проверил ветерок, в надежде, что он будет сдувать дым от сгоревшего пороха. А потом начались игра в кошки мышки. Отец с боевыми холопами выезжал ближе к татарам, метали стрелы и отскакивали. Дразнили так три раза, наконец янычары не выдержали. Они решили обязательно догнать наглых русичей и наказать. Сидим ждем часа икс. Наши снова бегут, проскакивают в проходы засеки, янычары приблизились на сто шагов. Залп! Хватаю вторую пищаль. Дым рассеивается слабым ветром, но медленно. Снова Залп! Дикие и мучительные стоны лошадей, крики людей. Из облака дыма выскакивают янычары, а до нас тридцать шагов. Третий залп! Ветер усилился, снося облако дыма. Я встал в полный рост приготовил лук и стрелы. Отец даёт команду, и они в проходы засеки атакуют противника. Вскоре всё закончилось. Спаслось

около трёх десятков татар или янычар. Вот только и наших побили. Убито восемь холопов и ранен отец. Убегая, кто-то из крымчаков пустил стрелу и в дыму отец не разглядел. Стрела угодила чуть ниже левой ключицы, пробив насквозь броню, стрела имела тяжёлый гранёный наконечник, вторая стрела попала в бедро не опасно, но неприятно. Стрелу вытащили, я сделал заговор тихим шёпотом на остановку крови и заживление. Промыли солёной водой, привязали сухой мох. Легкораненых перевязали промыв раны. Потом два часа отлавливали лошадей, тех, что остались живы от янычар или получили незначительные ранения от картечи. Пришлось и лошадям вытаскивать картечины и наконечники от стрел. Набралось сто голов вполне неплохих скакунов. Зато сабель кривых набрали, их янычары называют ятаганями, заточка клинка с другой стороны. Встал вопрос на чём везти убитых и раненых. Холопы пробежались по округе притащили четыре телеги. Вот на них и грузили раненых и трофеи. Я принял решение идти на север. А через сутки наткнулся на отряд Шереметьева. Старший воевода наголову разбил охрану обоза, уничтожив почти две тысячи янычар и около тысячи татар. Захватили все султанские пушки, добро трудно посчитать. Только лошадей насчитали шестьдесят тысяч. Отдельно взяли табун породистых аргамаков-скакунов и сто восемьдесят верблюдов. Так как отец лежал раненый, на доклад к князю пошёл я. Сразу не пропустили, почти час ждал, потом видимо вспомнили.

– А, наш юный друг. Ну докладывай, Роман, – князь был весёлым и пьяным.

Я рассказал, что уничтожили три сотни янычар, у нас есть убитые и раненые. Воевода выслушал внимательно.

– С кем отца отправишь? – спросил Шереметьев.

– Есть холопы, княже. Убили всего восемь ратников, да раненых десятков, вот их и отправлю сопровождать отца.

– Я доложу государю о ваших заслугах. А за то, что обоз обнаружили одарю сам. Из трофеев заберёте пять аргамаков, четыре кобылы и жеребца. Табун в пять сотен коней заберёшь, я распоряжусь, ну и рухляди, и серебра пятьсот рублей. Народу больше домой отправь, чтобы не ограбили Евстафия Борисовича по дороге. Сам наверно остаться хочешь, говори?

– Да, княже, остаюсь и полусотня холопов со мной.

– Будешь при мне, приказы тоже от меня получать станешь. Всё, ступай.

Что сказать, на войне во все времена зарабатывают, вот и мы малость заработали. Я рассказал отцу, что велел князь Шереметьев. Старший воевода крымский обоз разделил на две части. Одну часть отправил в Рязань, а вторую в Мценск. Естественно, нужна охрана такому обозу, пришлось князю людей ставить в охранение отобранных богатств. Отца и холопов я отправил с обозом в Мценск, а там и до Коломны недалеко. За месяц или за полтора доберутся, отправил и боярского сына Василия Оладьина, хоть он и сопротивлялся, но законный сын боярина я, так что убедил слушаться меня. Со мной остались пятьдесят достаточно опытных холопов, в том числе Потап. Куда же без него? Похоже он меня как телохранитель будет, раз отцу клятву давал.

Ещё два дня пили бояре и князя в лагере Шереметьева. Радовались красивой победе. Но приказ царя никто не отменял, надо проследить чтобы крымский хан ушёл на свои земли. Вот только осталось в Старшего воеводы чуть больше семи тысяч, тысяча из них стрельцы. Но Князь Шереметьев бодр, слегка пьян и полон желания свершать подвиги. Так что через пару суток мы двинулись на запад, постепенно заворачивая на юго-запад. А впереди нас ждал сюрприз.

Глава 2. Военная слава боярского сына.

Конец июня 1555-ый год. Судбищенская битва.

Оставшийся отряд, чуть больше семи тысяч воинов, старшего воеводы Ивана Васильевича Шереметьева можно считать мобильным. Воевода оставил только конных, даже стрельцы были в сёдлах, плюс заводные кони. Тем не менее обоз задавал темп движения. Во все века армии двигаются, ориентируясь на самые тихоходные единицы. А куда без обоза? Корм лошадям везти надо, ратников обеспечивать питанием, запасы стрел, запасы огнебоя для пищалей, ну и шатры с палатками. В общем тыловики нужны, никуда от этого не деться. Через пять дней, в начале двадцатых чисел июня, добрались до села Залеское и двинулись к реке Любовша. Река – это вода, а кони желают пить, они не верблюды. При семитысячном отряде, четвероногих лошадок набирается почти пятнадцать тысяч голов. Шереметьев планировал встать лагерем на отдых, но дозорные, уходившие на расстояние до десяти вёрст, сообщили, что хан Девлет Гирей решил вернуться и наказать воеводу за потерянный обоз. Дозорные русичи схлестнулись с дозорными татарами и взяли пленников, от них узнали, что хану известно малое количество воев у воеводы Шереметьева. Князь Иван Васильевич решил готовиться к битве. Выбрали место напротив Судбижского леса, огромное поле, где можно встретить врага. Судбижский лес занимал огромную территорию. В лесу даже была деревенька, меньше десятка дворов, что имела название Судбищи. Шереметьев решил использовать реку Любовши, как преграду, чтобы у татар не было возможности окружить и смять малочисленного противника. Срочно приступили к возведению засеки. Мои холопы не принимали участие, Шереметьев дал мне указ нести дозорную службу. Так что я мотался по округе выискивая дозорных крымчаков. Вместе с Шереметьевым были воеводы Алексей Басманов и Стефан Сидоров, их полк отвели в резервный, чтобы ударить в нужный момент с флангов по татарской орде, потому находились в тылу. Двадцать третьего июня хан Девлет Гирей приблизился к русскому отряду. По моим ощущениям, земля дрожала от такого количества всадников, а пыль поднималась как облако. Именно так и обнаружили орду. Надо отдать должное Шереметьев активно командовал ратниками и воеводами. Бегать в дозорах не было смысла, и я пристроился со своими холопами к стрельцам. Всё-таки когда есть препятствие легче драться с превосходящими силами противника. Меня реально трясло. Может от адреналина, а может от страха.

При устройстве засеки я заставил своих холопов укладывать лесины так, чтобы получались амбразуры. Кто-то из стрельцов увидел и доложил своим командирам. Многие стрелецкие сотники знали меня по прошлому разу, однако позвали Еремея Житина.

– Доброго тебе здоровья, Роман Евстафьевич. Стрельцы наши полюбопытствовались, что вы такое мудрите? – спросил сотник, подойдя к нам.

– Амбразуры, ну или ячейки для стрелка. Удобно стрелять, и татарин не сразу разглядит. Хоть какая-то защита от стрел.

Еремей присел возле одной из готовых амбразур, приложился пищалю. Встал покачал головой позвал стрельцов и велел им делать также.

– Выдумщик ты, Роман Евстафьевич, каких свет не видывал, но всё у тебя как-то правильно придумать получается, удобно. Может ещё что подскажешь, а, боярин?

– Еремей Олегович, вы проверяли насколько далеко летит пуля из пищали?

– Шагов двести, может двести пятьдесят. Если попадёт пуля, то точно поранит. Но попасть сложно. Если только в толпу.

– Именно. Сделаете первый залп шагов на триста, татар будет так много, что точно не промахнётесь. А главное собьёте темп атаки. Успеете второй залп сделать, а потом и третий. Тысяча пуль найдет в толпе жертву. Удачное попадание может лишить сразу три тысячи татарских всадников. У меня картечь, мои люди дадут залп со ста шагов, – пояснил я.

Сотник Еремей хмыкнул и пошёл говорить со своими сослуживцами.

Князь Шереметьев регулярно объезжал и осматривал позицию. Проезжая мимо нас, воевода остановился, наверное, он узнал меня. Да и одеты мы совсем не как стрельцы.

– Я смотрю кто тут возле стрелецкого полка крутится, а это младший Волжин. Ну как, Роман Евстафьевич, готов к битве? Знаешь, что здесь будет самое жаркое место? Конные у нас стоят в резерве, – Шереметьев явно ждал ответа от меня.

– Иван Васильевич, вы ведь тоже здесь находитесь. Почему я не могу встать рядом с воеводой, плечом к плечу, чтобы смотреть врагу в лицо? – я поморщился, опять получилось пафосно.

Шереметьев с минуту смотрел на меня, ничего не сказал, только хмыкнул и поехал дальше. Орда хана Девлет Гирея приблизилась на расстояние двух полётов стрелы. Я смотрел на эту тёмную массу, людей и лошадей, и меня брала оторопь. Орда свое многочисленностью впечатляла. Я же думал о мужестве людей в этом времени. Это вам не стрелять во врага на расстоянии, здесь дело дойдёт до того, что надо будет резать друг друга, глядя в лицо. В этот момент, я твердил себе, что со мной ничего не случится. Ближе к вечеру татары нападать не стали, не двинулись они и ночью. Так что у русских войск оставалось время закончить подготовку позиции. Ночью мне удалось немного успокоиться, и я даже задремал. Разбудил меня на рассвете Потап.

– Вставай, боярич, светает. Мы набрали стрел про запас, огнебой закончится сможем стрелы метать, а то и начнём с этого. Твой ханский лук далеко бьёт, если навесом, то сможем дальше, чем на пятьсот шагов метнуть. А там стрела сама найдёт цель в такой «тьме», главное чаще выстреливать, – негромко сообщил Потап.

«Тьмой» Потап называл орду. Сегодня двадцать четвёртое июня, пришла неожиданная мысль. Хан не торопился давать команду к атаке. Солнце начало подниматься над горизонтом, теперь ещё раз удалось рассмотреть орду, заполнившую весь простор поля перед нами.

– Потап, где наши кони? – обратился я к дядьке.

– У леса, Роман Евстафьевич, двое холопов присматривают за ними.

Наши пищали заряжены, горят небольшие костерки, чтобы запалить фитили. Я взял лук, попробовал натяжение тетивы, перед собой положил пять связок стрел. Природа притихла, я обратил внимание, что не слышу птиц. Однако стал нарастать фоновый шум. Попробовал понять, откуда идёт. И стал различать, доносилось ржание татарских коней и выкрики самих крымчаков. И вот татарская орда пришла в движение. На нашей позиции зазвучали команды, я не обращал внимания, стараясь сосредоточиться. Среди моих ратников с луками встали четверо. Потап, Идан, Яромил и я. Шум движения конницы татар нарастал. Я наложил стрелу на тетиву, как только татары приблизились к нужной черте, метнул стрелу. Посмотрев в небо, увидел, как большое количество стрел затмевают небо, оказывается не только нам пришла такая мысль в голову. Скорей всего стрелы находили свои цели. Стрела даже на излёте способна нанести ранение. Я заметил, что то тут, то там татарские конники падают вместе с лошадьми или выпадают из сёдел. Я пускал стрелу за стрелой. Орда приближалась, видимого урона мы не наносили. И вот с татарской стороны полетели стрелы. Мы прикрыли головы щитами, присев за лесины засеки. То тут, то там слышен глухой стук, стрелы втыкаются в стволы деревьев. Но раненых среди русичей пока нет. Глянув в сторону стрельцов, увидел, что они готовятся к залпу. Зажгли фитили и ждут нужной дистанции. Сам я продолжал брать стрелы и накидывать в сторону орды. Вот орда приблизилась на триста шагов. На двести пятьдесят. Залп! Бах, бах, бах, бабах... Залп целого полка стрельцов впечатлял. Не только звуком, но и видом. Наши позиции заволкло пороховым дымом. Вот только ветер сегодня на нашей стороне, достаточно быстро дым сносило в сторону. Я смог рассмотреть, как несколько рядов татар рухнули на землю, где-то падали лошади. Задние ряды стаптывали упавших. Стоял стон раненых, ражанные лошадей, топот копыт и визг татар. Я впервые в жизни услышал, как страшно стонут лошади,

от такого выражения боли животными «мурашки» бегали по спине. Мы схватили свои пищали, готовые к бою. Стрельцы успели ещё раз выстрелить. Всадники валились, как трава от косы. В одно мгновение мелькнула мысль «может по этой причине смерть ходит с косой». Я мельком глянул в сторону стрельцов, они лихорадочно перезаряжают пищали. А вот и наш рубеж в сто шагов. Залп! Картечь сносила строй всадников в ширину до двух метров. Я взял следующую пищаль. Время растянулось как резиновое. Первые крымчаки достигли засеки, они прыгали прямо с сёдел на бревна, старясь добраться до стрельцов. Шелестели стрелы, визжали татары, ругались русичи, ржали кони. Это походило на сумасшествие. Я не смогу сказать, сколько времени длилась атака татар, мне показалось целую вечность. На мою позицию, тоже карабкались татарские воины, с оскаленными от злости рожамы. Выхватив саблю, я рубил по ногам, сам прикрывался щитом от ударов, вновь колол и рубил. И вдруг всё закончилось. Татары начали откатываться назад. Атака отбита. Мои холопы добились раненых крымчаков, что успели перескочить на нашу сторону. Над полем стояли стоны боли и страха раненых лошадей и людей. Я осмотрел своих воинов, все целы, даже раненых нет, а вот среди стрельцов были. Я пошёл к стрельцам для оказания помощи. С собой взял троих, Потапа, Идана и Яромила. Прикроют от постороннего взгляда, когда буду читать заговор на остановку кровотечения. Ни к чему мне лишние разговоры, ещё обвинят в колдовстве. Всем, конечно, не поможешь, но некоторых спасти можно. В этот день татары не повторили своей атаки. С наших позиций стали делать вылазки стрельцы, собирая трофеи. Осуждать их не принято, здесь так заведено. Князь и бояре уже получили свою прибыль с обоза, а вот простые ратники могут только с мёртвых взять оружие и монеты, если таковые найдут. Из моих холопов охотники нашлись, я не стал возражать, был занят ранеными, мои бойцы прикрывали меня щитами, на всякий случай. Думаю, в этот момент никто на меня не обращал внимания. Посчитать потери татар сейчас невозможно, а вот среди стрельцов таковые были. Погибло около сотни стрелецких воинов, раненых не меньше, хотя я точной цифры не знал. К вечеру задымили костры, русская рать готовила еду. Война войной, а обед по расписанию. Возможно, поговорка родилась в глубокой древности. Мои холопы вернулись с поля ближе к вечеру, приволокли целую кучу сабель, ножей и мешок с медными и серебряными монетами. Приволокли пять бронеи, и десяток кольчуг. Я осмотрел одну броню, вполне добрый куяк. Разделят потом между собой. Добрые сабли возьмут себе, что не нужно продадут. Если, конечно, мы доберёмся до дома живыми. Я разрешил трофеи унести к лесу, где стояли наши кони.

Вечером я видел воеводу Шереметьева, он проезжал вдоль засеки, но возле нас останавливаться не стал. Вечером я ходил поболтать с Ерёмой, сотником стрельцов. Своим холопам дал задание сделать навесы из жердей, в два наката. Дополнительно проложить потниками для лошадей, сняв с трупов татарских коней. Очень мне не понравилось прикрываться только щитом, когда стрелы тучами падают на позицию русичей.

– Раненых много, отправляют их к обозу. Отойти нам сейчас никак нельзя, засека наша защита, в поле нас татары раздавят. Не уходят поганые, завтра снова начнут, – сетовал сотник.

– Еремей Олегович, как думаешь отобьёмся? – спросил я сотника.

– Ты, Роман Евстафьевич, первый год на службе, как я понял и сразу в такой котёл попал. А отобьёмся или нет, одному богу известно. Воевода Иван Васильевич, говорят ещё вчера гонцов в Тулу отправил, сообщить государю нашему, что не ушёл Девлет Гирей и будет сеча возле Судбижского леса. Может наш государь подмогу пришлёт, да только дней пять им идти не меньше, а то и подольше. За это время наши косточки вороны растаскивать начнут.

– Я помирать не собираюсь. Думаю, разобьём мы хана, непременно разобьём, – ободряюще произнёс я.

Еремей Житин внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. В его глазах выглядел юношей, не знающим настоящих битв. Вернувшись к своим, обнаружил готовые навесы. Больше того стрельцы, глядя на нас тоже начали делать такую же защиту. Устал я за

день чудовищно, так что уснул сразу, как только лёг. Проснулся, как только Потап коснулся меня. Он действует, как нянька, постоянно где-то рядом, но меня не напрягает, пока по крайней мере. Я прислушался к своим внутренним ощущениям. Такого мандража, как в первый день, нет. Даже какая-то решительность появилась. На рассвете в лагере русских началось движение. Со стороны реки татары не смогут обойти засеку, там берега высокие, а вот с другой стороны через лес, вполне могут зайти во фланг. Воевода Шереметьев это учёл, поставив туда детей боярских из поместного войска.

Как взошло солнце татары пришли в движение, но не понеслись лавой на позицию русских, а остановились на дистанции выстрела из лука. Когда стрелы посыпались на нас, я по достоинству оценил вчерашнюю предусмотрительность с навесами. Стрелы даже не пробивали наше укрепление. В паузах я вставал и успевал метнуть пару-тройку стрел в ответ. Вокруг нас земля была утыкана стрелами, как спина ёжика иголками. С нашей стороны не все стрельцы сделали навесы и сейчас раздавались крики раненых. Я сидел под навесом и с тоской думал, что мне бы сейчас не помешал миномёт или крупнокалиберный пулемёт. Вот только взять это чудо военной промышленности негде. Обстрел с татарской стороны продолжался. Сидя под навесом, мы переживали, а мне в голову лезли глупые мысли. Например, сборщики металлолома смогут хорошо заработать, если поковыряются на этом поле. Железо в этом времени дорогой товар. Но татары всё же решились на атаку. Надеюсь, у них закончился запас стрел. Разогнаться лавой у них сегодня не получится, поле усыпано трупами людей и лошадей. Слава богу, что они ещё не протухли, а то получится газовая атака на наши редуты, если ветерок в нашу сторону подует. Ряды стрельцов начали обстрел, как и вчера. Залп! Вновь стоны раненых и лошадей. Вне всякого сомнения, раненая лошадь издаёт очень неприятный звук, скорее даже жалобный. Второй залп! Когда мы стали стрелять со своего места, стрельцы дали третий залп. Я и мои холопы находились на фланге, но не со стороны реки, а со стороны леса. Потому я услышал какие-то крики и движение на нашем фланге. Девлет Гирей совсем не дурак, он всё-таки послал своих людей в обход через лес. Из леса они, конечно, лавой разогнаться не смогут, но атаковать вполне результативно. Тем временем татары приблизились к засеке и похоже, что на фланге у реки перелезают через завалы брёвен, там завязывается сабельная рукопашная. Я со своими холопами мог бы залп сделать по татарам из леса, но там наши с ними рубятся, начиналась свалка. Мой мозг лихорадочно искал выход. Вся картина боя словно фрагменты замелькала. Вот Потап быстро накладывает стрелы на тетиву и стреляет с близкого расстояния, вот десяток моих холопов торопливо перезаряжают пищали, вот из моих же холопов пятнадцать воинов делают залп по лезущим через засеку татарам. Я сам не заметил, как в моих руках оказался лук, и я стреляю, быстро растрачивая запас стрел. Давление татар нарастало. Частично смяли всадников нашего фланга. Татары прорвались в тыл к нашему укрепению. Начала нарастать паника у русского войска. Я стреляю то и дело поворачиваясь, то в сторону засеки, то в сторону прорвавшихся татар. В какой-то момент я увидел воеводу Шереметьева, он бьётся сразу с тремя всадниками крымчан на саблях. И три стрелы пробивают грудь воеводы. Шереметьев падает со своего скакуна. Ранен или убит? Размышлять нет времени. Три выстрелами из лука попадаю в татар, что теснили воеводу.

Падение воеводы Шереметьева с коня наверно стало последней каплей, русичи дрогнули и побежали к лесу, где находились кони. А те, кто были верхом припустили покинуть поле боя. Я выругался матом. Рядом со мной находился Потап.

– Потап, всех наших ко мне! Вооружиться пищальями, приготовиться к стрельбе. Стрелять по моей команде. Будем пробиваться к воеводе, потом к лошадям. Залп! Это разрядили пищали мои воины. «Сука, если выживем, буду просить отца дать им вольную» пролетела неожиданная мысль. Второй залп! Наша картечь прочищает коридор от татарских всадников и кажется мы грохнули кого-то своих. Я подбежал к воеводе, сунул руку под бармицу, нащупал пульсирующую вену на шее. Значит жив пока Шереметьев. Скакун воеводы никуда не убежал,

он стоял возле хозяина и казалось, что конь не обращает внимание на творящийся вокруг ужас. Я попробовал приподнять воеводу. Здоров, чёрт бы его побрал, плюс броня на нём. Кто-то из холопов мне помогает перекинуть воеводу поперёк седла. Беру скакуна под уздцы.

– Потап, встаём коробочкой, заряды экономим, – кричу так, что чуть не срываю голос.

Мы начинаем двигаться к лесополосе, там наши кони. Что сказать? Мы прорвались, добрались до наших коней, вскочили в сёдла и покинули место битвы. Хотя я не понимаю, как у нас получилось. Я потерял двадцать своих воинов. За лесополосой находилось поле, это я увидел потом. Оказывается, воеводы Стефан Сидоров и Алексей Басманов у самого леса организовали вторую линию обороны. Там делали засеку немного по-другому. Спиливали деревья, оставляя пни. Стволы деревьев укладывали так, чтобы вершины смотрели в сторону противника. Именно в ту сторону и бежало войско русичей. Воеводам удалось остановить бегущих и организовать оборону на новом рубеже. Использовали даже обоз, поставив телеги в круговую оборону. На старой линии засеки началась резня русских воинов, тех кто пытался бежать пешком. Крымская орда хана Девлет Гирея атаковала трижды новый рубеж. Всё это время я и мои люди прятались в лесу, убивая татарских всадников если они заскакивали к нам, используя только луки и стрелы. Битва прекратилась ближе к вечеру. Татары вдруг начали отходить. Позже выяснилось, что Девлет Гирей узнал о том, что от Тулы с войском идёт русский царь Иван Васильевич Грозный. Не желая губить всех своих людей, хан дал приказ отступить и ушёл на юг. Как только татары отошли, мы двинулись в сторону нашего рубежа обороны. Перед этим я успел перевязать Шереметьева, удалил наконечники из груди, даже два заговора прочитал, на остановку кровотечения и на увеличение жизненных сил. Приложили сухой мох и перевязали. Сам я получил два разреза, повредили кольчугу, а куяк можно просто выбросить. Мои раны лёгкие, разрезали бок и разрез на спине. Убей не помню, где успел получить удары от татарских сабель. Из моих людей в живых осталось двадцать пять человек. После окончания битвы Потап с нашими холопами сходили на место бойни, подобрали пятерых из наших, с тяжёлыми ранениями. Следующие три дня собирали железо на поле боя. Искали живых, уносили мёртвых, чтобы похоронить по крестьянскому обычаю. Отлавливали бесхозных коней, подбирали сёдла с мёртвых животных. У меня вновь образовался обоз. Все наши пищали нашлись, подобрали и стрелецкие. За три дня воевода пришёл в себя и его с охраной отправили в Тулу. Из полка стрельцов уцелело полторы сотни, Еремей Житин тоже остался жив, получив только лёгкую рану. Потянулись русские обозы и конные отряды в сторону Тулы. Всем стало понятно, что хан Девлет Гирей ушёл в степь. Я узнал о количестве потерь. В этой «мясорубке» погибло больше пяти тысяч русских ратников. Тел крымских степняков насчитали больше пятнадцати тысяч. Всех посчитать невозможно. Возле первого рубежа русских находились только фрагменты тел, отдельно руки и ноги. Степняки сами затапывали своих, перемалывая плоть людей и лошадей в фарш. Мой личный обоз состоял из пятнадцати телег, где сложены трофеи. По местным негласным законам большая часть принадлежит мне. Я разрешил холопам разделить всё серебро и медные монеты. Войску Шереметьева как трофеем досталось знамя ширинских князей, одного из сильнейших бейских родов Крымского ханства – карачи-беков, которые могли утверждать Крымских ханов на престоле.

Лето 1555-ый год. Тула. Дорога домой. Царские милости.

Через десять дней мы добрались до Тулы. Встали рядом с общим лагерем. Отца не было с нами, а сам я не знал, что мне делать. Отправляться домой или ждать распоряжений воевод. Мои люди собрали на поле боя табун в триста лошадей, среди них были десяток аргамаков. Видимо знатные степняки владели ими, но они убиты. Мои раненые слуги стали чувствовать себя лучше, я решил прояснить ситуацию насчёт себя. Но неожиданно прискакал царский гонец. Мне сообщили, что меня к себе вызывает царь. Мои раны заживали. Одежда я по лёгкому, купил на тульском торгу кафтан, шёлковую рубаху синего цвета и сафьяновые сапоги, правда чёрные. Порты взял суконные. Приобрёл новый пояс с серебряными бляшками.

А то не солидно как-то, сабля дорогая, а пояс простой, непорядок. Пришлось исправить. Пока ждали в лагере, я приручал трофейного аргамака. Меня Потап научил. Разложил перед вороным жеребцом яблоки, морковку и краюху хлеба. Конь выбрал морковку. Каждый день я обкапывал жеребца. Красивый конь достался, масть вороная, на лбу белое пятнышко, ноги до бабок тоже белые и что интересно глаза голубые. Эта порода лошадей относится к ахалтекинской породе. Конь признал меня, может просто ему нравилось хрумать морковку, которой я угощал его два раза в день. Назвал я жеребца «Вороном»

Царь расположился в тереме Тульского воеводы. Приняли меня не сразу, ждал почти час, но вот наконец пригласили в зал, где расположился государь всея Руси. Как себя вести я не знал. На колени падать не стал, просто отвесил низкий поклон, коснувшись рукой пола. Выпрямившись, я стал ждать, что будет дальше. Может мне надо было в пол смотреть? Но я смотрел на царя. Шутка ли, передо мной историческая легенда, о которой историки не перестают спорить. Лицо у Ивана Четвёртого худошавое, волосы длинные, на голове тофья, расшитая золотыми нитями и самоцветами. Нос острый, с небольшой горбинкой на переносице, борода не окладистая, скорее клином. Глаза тёмные, брови сдвинуты. «Взгляд хищника» подумалось мне. Именно взгляд завораживал или замораживал, у меня начали трястись поджилки, но вида я не подавал. Иван Грозный смотрел на меня, как на жертву. А может мне просто показалось. Одет он был в расшитый золотом кафтан красного цвета, красная рубаха, чёрные штаны и красные сапоги, украшенные самоцветами, в руках он держал посох. Царь смотрел на меня минуты три, сидя на троне, скорей всего это походный трон.

– Ты сын боярина Волжина, – спросил или утверждал царь, я так и не понял.

– Точно так, батюшка государь, – слетело с моего языка, а царь усмехнулся.

– Твой род бояр Волжиных хорошо послужил мне и моему государству. Обнаружили богатый обоз, а в битве ты спас жизнь князя Ивана Васильевича Шереметьева. Отец твой и старший брат ранены тяжело. Проси чего хочешь.

– Я царский воин, моя обязанность служить царю. Невместно воину просить награды у государя. Если служба понравится, то государь сам наградит так, как посчитает нужным.

– Даже так? Твои бы слова да моим боярам усвоить. А то так и ждут чего бы урвать, волки, – произнёс Иван Четвёртый грозно.

Он посмотрел вокруг и думается мне, что у многих очко сжалось максимально. Царь минуту разглядывал бояр и вновь повернулся ко мне.

– Адашев! – громко позвал царь.

За его спиной стоял знатный боярин, лет сорока или чуть больше, с окладистой бородой.

– Я здесь, государь, – отозвался окольничий и глава Челобитного приказа.

– Пиши грамоту. Жалую, за службу ратную по защите Трона и Отечества, княжеский титул с правом наследия боярину Евстафию Борисовичу Волжину. Дарю на вечное владение земли, что на юго-западе от Брянска в пятидесяти верстах, на левом берегу реки Десны, со всеми деревнями и смердами. Роману Евстафьевичу Волжину, сыну Боярина Евстафия Борисовича Волжина, жалую шубу со своего плеча и пятьсот рублей золотом. Написал? Дай подпишу, – Адашев подал царю грамоту на подпись, государь подписал, а Адашев поставил печать.

Мне вручили грамоту, а Иван Четвёртый подошёл и сняв свою шубу накинул на меня. Стоя рядом, я понял, что царь достаточно высок ростом. Иван Васильевич вернулся к трону и сел на него.

– Грамоту на владения получит твой отец в Челобитном приказе. В Москве получишь золото в награду по грамоте, что уже у тебя. Нужен будешь призову. А теперь езжай домой, – царь отвернулся от меня, давая понять, что приём закончен.

Я поклонился, сделал два шага назад, развернулся и вышел. В обалдевшем состоянии дошёл до своего скакуна, вскочил в седло и поскакал за город в военный лагерь. За пазухой

лежала грамота с печатью на княжеский титул, а поперёк седла лежала соболина шуба государя всея Руси.

Военный лагерь расположился на реке Воронка, что протекает в девяти верстах южнее Тулы. Я доскакал меньше чем за час до лагеря. Спрыгнув с седла, отдал повод холопу, а сам пошёл на берег и умыл лицо, намочив голову. Потап подошёл вслед за мной, взгляд его был тревожный. Я молча подал ему царскую грамоту. Большинство наших холопов умели читать. Потап прочитал и грохнулся на колени и начал креститься, восхваляя царя и бога. Домой мы отправились на второй день с рассветом. Из-за лошадиного табуна пришлось выбирать маршрут движения, а не двигаться только по дороге. В день получалось пройти только двадцать вёрст, ночью отдыхали и снова в путь. На десятый день наш обоз добрался до поместья отца, который ещё не знает, что имеет титул князя. В первой декаде июля погода стояла исключительная. Нас заметили издали и когда наш обоз приблизился, ворота уже были раскрыты. Мать выбежала во двор и со слезами бросилась меня обнимать и ощупывать на предмет целостности тушки сына, при этом приговаривала.

– Вернулся, соколик мой ясный. Ромушка, а я глаза все выплакала. Как отца привезли, ночи спать не могу, всё снится, что на поле бранном ты лежишь беспомощный.

Я стоял и не знал, что делать. Убедившись мать взяла меня под руку и повела к крыльцу.

– Я велела баню истопить, сейчас перекусишь с дороги да в баньку, а потом и пир справим. Господи, радость то какая.

За стол усадил всех меня и наших боевых холопов. Мать присела слева от меня и смотрела на меня, а глаза её блестели от влаги.

– Матушка, скажи мне, как отец и брат, всё ли у них хорошо? – поинтересовался я состоянием отца и Богдана.

– Батюшка уже встаёт, как в баню сходишь, он к столу спустится. А Богдан лежит, но на поправку пойдёт, горячки у него нет. Смилостивился всевышний Иисус Христос, день и ночь молю. В Коломну ездила, там в храме за здоровье заказывала и молила, чтобы тебя бог сохранил. Услышал Христос слова мои, – продолжала причитать мать.

Мне вспомнилась моя мать, там в 21-ом веке. Стало вдруг грустно. Но пришло время бани, и я пошёл попариться и смыть дорожную пыль. В бане я был один, в смысле без своих ратников. Парили меня две молодухи из сенных девок, обмахивали веником и нежно поглаживали. Рубахи они не снимали, но на мокнувшая ткань не скрывала, стройные тела женщин. Реакция моя предсказуема. Возражений от молодых женщин к интимной близости не последовало. Я давно заметил, что здесь, в этом времени, достаточно часто моются женщины и мужчины вместе. Молодухи сбежали, как только закончили помывку меня любимого. А я даже имён их не спросил. Посидел на веранде бани, выпив ковш кваса. Одел чистое нательное бельё, накинул кафтан и направился в дом. Прежде прошёл в светёлку брата, Богдан спал. Я потрогал его лоб, болезни не было. За моей спиной появилась холопка.

– На поправку пошёл боярич, его травяным сбором поят, чтобы спал больше, – тихо произнесла девушка.

Я кивнул и пошёл в свою светлицу. Здесь уже лежала приготовленная одежда на сундуке. Пояс с оружием висел на положенном месте. Я одел красную рубаху и синие штаны из шёлка. Здесь же стояли красные сафьяновые сапоги. Понятно, что приготовили для меня. Обулся, сверху рубахи накинул ферязь, расшитую парчой и серебряной нитью. Волосы мои отросли, пришла мысль, что не мешало бы посетить парикмахера. Спустился вниз, в трапезную. Отец уже был здесь, мы обнялись. Отодвинув меня на вытянутые руки, отец серьёзным взглядом осмотрел меня и дал команду холопам принести ушат воды и мыльную смесь. Меня усадили на низкую скамейку, рубаху и ферязь пришлось снять. Намылили мне голову и отец, вооружившись небольшим ножом, острым как бритва, принялся сбрасывать мне волосы на голове. Через пять минут моя голова блестела, как бильярдный шар. Отец подал расшитую тафью.

– Ты воином стал, сын. Быстро перешагнул срок новика. Пойдём за стол.

Стол накрыли действительно как на праздник. Пили вино, но мне понравился хмельной мёд. Закусывали рыбой, на столе лежало несколько видов. Мясных блюд тоже в избытке, даже три поросёнка, запечённые в печи. И когда только успели. Как только утолили голод, отец сразу потребовал рассказ о событиях что я пропустил. Я сидел по правую руку от отца, мать села слева, чтобы смотреть счастливыми глазами на сына. Пришлось рассказывать, в подробностях, с того момента, как отца отправили домой раненым. Судя по тому, как отец задавал наводящие вопросы, он уже расспросил Потапа. Мать молчала, не вмешивалась в разговор. Мой рассказ прерывался тостами, восхвалили бога Иисуса Христа за спасение в битве. Было много тостов в мою честь. На моменте спасения князя Шереметьева, отец расспрашивал ещё более подробно.

– Хороший знак что спасли вы князя. Я его давно знаю, не забудет он такой услуги. А что же холопы княжеские, неужто бросили его? – воскликнул отец.

– Порубили поганые, всех кто рядом с ним был. Может они его в плен хотели захватить. Вот мы из пищалей и вдарили. За пару залпов всех смело как метлой. Хорошо, что конь князя остался, погрузили поперёк седла, наших воинов я построил коробочкой, дали ещё несколько залпов и в лес вырвались, там легче стало. В общем отбились. Прости, тятя, два десятка людей я не уберёг.

– Не кручинься, сына. В такой сече могли и сами головы сложить. Видно, люб ты нашему богу, уберёг он тебя. Ну и сам не растерялся. Потап уже хвалил тебя, говорит почище любого сотника командовал. Хвалю, сын, горжусь тобой. Порадовал меня. Аргомаков на поле подобрали, рассказывай?

– В лесу и на поле. Это уже после было, когда татары отходить начали. Испугался хан, что государь на помощь подоспеет, вот и побоялся, что всё войско погубит.

Я продолжил рассказ в подробностях. Отец слушал внимательно. Когда дошёл до сцены с царём, мать даже ладошки к лицу прижала.

– Государь Иван Васильевич сам тебя вызвал, а сын?

– Конечно сам. Кто бы меня пустил без приглашения? Прошлое одежды купить на Тульском торгу. В общем вошёл, поклонился до земли...

– Неужели на колени не встал, не оробел? – отец был сильно удивлён.

– А чего мне на коленях ползать? Я что прощенья пришёл просить, али милости какой? Он сам меня позвал, вот я и выказал почтение земным поклоном.

Мой рассказ о беседе с царём попеременно вводил родителей в восторг и в восхищение. Они восхищались подарками мне. Прежде чем сказать о царской грамоте, я достал сию грамотку и дал прочитать отцу. Он прочитал раз, недоверчиво посмотрел на меня, прочитал второй раз. Встал крепко меня обнял и, естественно, спросил, как так получилось.

– Государь спросил какой награды желаю. Я ответил, что невместно воину просить за службу ратную, коли царь желает пусть наградит по своему усмотрению. Вот он и подарил шубу и золота на пятьсот рублей. Потом обругал бояр, назвал их попрошайками, а Адашеву велел прямо на месте грамоту написать.

Отец восхищённо хлопал по столу ладонью, да так, что кубки подпрыгивали, а челядь боярская, а теперь уже княжеская, вздрагивала. Праздник получил новую причину продолжения. В этот вечер я напился. Проснулся на следующий день, на рассвете, в объятиях молодо девахи, одной из тех, что парили меня в бане. Однако праздник продолжился. В общем гуляли два дня. Между делом я повидался с братом, идёт на поправку и это хорошо. На третий день отец затащил меня в свою опочивальню, по всей видимости предстоял серьёзный разговор. В дальней стене отцовской опочивальне была комната. Он сходил туда принёс деревянную шкапулку, скорее похожую на сундучок. Резная и выполнена из морёного дуба.

– Я решил прикупить земли, предложили по левому берегу Оки взять от Любичей до Афанасьевки, на восток лесной массив большой в купчую попадает. Шесть крупных деревень,

домов по десять и две маленьких, на пять домов каждая. В Москву так и так ехать. В Перово конюшню большую ставить велел, будет где смердам работать, а может холопами разживёмся. Аргомаков разводить будем. Мне Потап сказал тебя вороной признал, тот, что с голубыми глазами, его тоже надо будет с кобылами спаривать, как только в охоту войдут. Дорогие это кони, сын. На такого коня можно три деревни с землями взять. Хотел я чтобы ты съездил в Брянские земли, что государь нас наградил, с тобой Вадима отправлю, он всё осмотрит и оценит, советы его слушай, плохого он не пожелает нам.

– Хорошо, отец. Как скажешь.

– Позвал я тебя ещё об одном деле поговорить. Ты на раненых заговоры читал, откуда прознал?

– Э-э... – промычал я.

– Ладно, понимаю, что не хочешь говорить. Хоть и считают это грехом, но для воина знать полезно.

Отец открыл шкатулку и снял с пальца перстень, из шкатулки достал две книжицы с кожаными страницами.

– В этой книге заговоры записаны. Мне её отец передал и перстень, чтобы я дальше потомкам оставил. Заговоры волхвов древних, про то церковь знать не должна. Во второй книжице записаны роды наши, от меня в глубь века седьмое поколение. Всё это отдаю тебе, раз уж ты проявил интерес. Богдану показывал, но он не имеет желаний. Прочтёшь и спрячь, никому об этом знать не надобно. Дай бог, будут наследники им оставишь. Забирай и ступай.

Итак, что мы имеем в сухом остатке. Пока я думал, как мне заполучить перстень, отец отдал его сам. Это упрощает моё возвращение. Займусь тем, что для начала прочитаю, древние записи.

Лето 1555-ый год. Домашние заботы.

Я прочитал фолиант, что передал отец. Сказать по правде, сразу попробовал вернуть себя назад. Прочитал заговор и покрутил перстень, даже свечи были. Но увы, ничего не произошло. Значит мне ещё что-то здесь сделать надо. Будем думать. Мой день начинался с тренировки с Потапом, потом я занимался личными делами, а Потап тренировал новых холопов. По местным законам отцу ближайшее время выставлять в поместное войско не надо, по причине его ранения. Но всегда есть момент, что царь на службу призовет. Отец уехал в Москву, решать вопросы по документам на княжеское имение, требовалось получить золото из казны, а ещё старший Волжин хотел закупов выкупить. На земли нужны холопы. После тренировок я ездил по нашим Коломенским землям, купчую отец оформил, так что в недвижимости Волжиных прибавилось. По левому берегу Оки стояли деревни Любичи, Дединово, Лисьи Норы, Сельнево, Нестерово и Павлова. Кроме крупных деревень отец выкупил две маленькие в лесном массиве Молодинки и Горки. Ключник Вадим мотался по вновь приобретённым деревням, выстраивая отношения со старостами деревень. Иногда я ездил с ним, не столько для хозяйственных целей, сколько для выгула своего «Ворона». С каждым днём конь всё больше привязывался ко мне, но и я баловал его. Носил ему яблоки, но любил жеребец морковку. Зачастил я в кузню к кузнецу Томиле. Идея сделать пистоли не давала мне покоя. Но, кроме этого, я принёс ещё кое-какие новшества. Как-то случайно увидел соху, оказывается этим здесь пахут землю. Нарисовал рисунок и отдал кузнецу, велел ему сковать из железа плуг, с лемехом для отворота земли. С пистолями дело двигалось не так быстро, как бы хотелось. Вместе с кузнецом мы ломали голову, как устроить кремневый замок, который будет поджигать заряд. Так в заботах и хлопотах прошёл июль. Отец задерживался в Москве. Богдан поправлялся и уже выходил на улицу прогуливаться, даже верхом катался по округе. Он меня освободил от обязанности ездить с ключником по деревням. С братом отношения слегка натянутые, хотя я не могу понять причину. Может он злится, что его чуть ли не в первом бою ранили, а все «плюшки» и достижения достались мне? Не знаю, да и голову себе не забиваю. Богдан даже принципи-

ально ездил на своём прежнем жеребце, не думая брать аргомака. Всю нужную информацию, я по-прежнему получал от спальни Ульяны, можно сказать она мой агент. Ульяна сообщила, что Богдана к осени хотят обручить, но с кем она не знает. Отец видимо ещё не решил. Точнее у него решение было, но теперь у Волжиных княжеский титул, так что соответственно и пару сыну подбирать надо. Меня пока не тревожат. К концу месяца сами пистолы с кузнецом мы уже сделали. Для изготовления кремневых замков требовался тонкий инструмент. Пришлось свозить Томилу в Коломну, купили то, что искали. В последние дни июля Железняк собрал механизм замка. Начались технические испытания, исправление ошибок. В первых числах августа, проведя очередные стрельбы, я остался доволен. Не сказать, что мы придумали что-то новое. Колесцовые замки и пистолы появились ещё в 15-ом веке. А кремнёвые замки к оружию уже имелись во Франции и Англии. Но где та самая Европа, а где мы? Короче получилось удачно. Пистоль получился сорок пять сантиметров длиной, длина самого ствола двадцать восемь сантиметров. Рукоять нам вырезал один из холопов из ясеня, что имел способности как резчик по дереву. На оголовье рукояти я заставил кузнеца сделать медный шишак. Потап, который всегда крутился рядом спросил.

– Княже, а зачем такой шишак?

Я взял пистоль за ствол и показал, как могу стукнуть по голове противника, плюсом рассказал, что оголовье играет роль противовеса. Тяжеловато держать одной рукой такой пистолетик. Калибр вышел почти восемнадцать миллиметров. В общем если такая пуля прилетит, мало точно не покажется. Ствол пистоля пришлось делать зауженным, чтобы пуля не выкатывалась при транспортировке. Наши испытания показали, что эффективная стрельба на сорок или пятьдесят шагов. Но пуля летит дальше, так что смело можно пулять шагов на сто, если по толпе, конечно. Мой дядька и инструктор Потап это дело оценил, так что кузнец сделал нам две пары. Ружейную сталь использовали из стрелецких пицалей, что привезли трофеями. Вместе с Потап наделали патронов, что я придумал ранее. Пришлось мне потратить карманные деньги в Коломне на закуп бумаги. Шомпол для пистоля крепился с левого бока, так как с правой стороны был кремнёвый замок. Кузнецу я дал задание переделывать наши пицали под кремнёвый замок и делать парные пистолеты. У Томилы в кузнице работают его два сына, Ждан и Борис. Оба парня проявляют интерес к изготовлению оружия. Думаю отец, узнав об этом подробней, найдёт способ оставить их у себя. Я ждал отца из Москвы, предстояла дорога в Брянск. Но вместо приезда отца пришло письмо. Привёз письмо проезжий купец. В письме отец велел нам с Богданом выехать в Москву. В этом времени воля отца закон, потому мы оба стали собираться в дорогу. Потап и Илья, который уже тоже оправился от ран собрались с нами. По моему мнению, отец из Москвы отправит меня в Брянск, но тащить с собой всех боевых холопов не хотелось. Взяли два десятка опытных, а молодых будут обучать старшие товарищи. Уехать сразу не получилось, сутки ушли на сборы и кое-какие дела по хозяйству. А на утро, когда мы планировали выехать, прибыл гонец с царской грамотой. И что интересно, грамота была адресована мне. Царь призывал меня пред свои очи. Не понимая ровным счётом ничего, тронулись в Москву. К вечеру третьего дня въезжали в Москву, проскакав сто шесть вёрст. Отец остановился у своего приятеля, дьяка Разрядного приказа Василия Карасева, на его двор мы и направились.

Лето 1955-ый год. Царская воля. Новые полномочия.

Вечером за ужином и кувшинами вина выяснилась причина вызова нас отцом. Меня отец звал, чтобы дать наставления перед поездкой на Брянщину. А вот Богдана совсем по-другому поводу. Отец приглядел невесту Богдану. Смотрины невесты уже были, ездила жена дьяка Карасева. Её вердикт – невеста красавица умница и все дела короче. Теперь очередь показать Богдана будущим родственникам. Родню наш папаша присмотрел с княжеской кровью. Князь Талызины из столбового дворянства и благородных касимовских татар. Род свой ведут от мурзы Кучука Тагалдызина, который прибыл из Золотой Орды служить Великим князьям ещё

в пятнадцатом веке. Мурза окрестился и взял имя Якова, получив от Великого князя Василия Второго Тёмного надель в Муромских землях и княжеский титул. В общем род достаточно благородный и древний. Нынешний князь Фёдор Юрьевич Талызин служит воеводой в Нижнем Новгороде, имеет большие надель в Муромских землях, а также дом в Москве. Вот старшую дочку и отдадут за Богдана. Этому поспособствовал князь Шереметьев Большой. Насколько я понял всё уже решено отцами, остались формальности. Княжну посмотрели, сейчас покажут княжича, потом побухают и проведут церемонию обручения, а осенью, после уборки урожая, устроят гуляние на свадьбе. И не открутиться Богдану никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.